

M 86
329

Отечественная Библиотека № 37.

М 329

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812-го ГОДА.

Профессоръ Е. С. Шумигорскій.

ИЗДАНИЕ
ВСЕРОССИЙСКАГО НАЦИОНАЛЬНАГО КЛУБА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Р. В. Кортаевой, Загородный пр., № 10.

1912 г.

Цѣна 20 коп.

Изданія Всероссійскаго Національнаго Клуба.

1. По ту сторону Сестры-рѣки. Правда о Финляндіи. Ц. 10 к.
2. Страдалецъ за родину. Патриархъ Гермогенъ. Ц. 10 к.
3. Западная Русь. Въ борьбѣ за національно - народное дѣло. Ц. 15 к.
4. Забытые наши братья. Холмская Русь. Ц. 15 к.
5. Партизаны 12 года. Ц. 15 к.
6. Свѣтлый витязь. Князь Скопинъ-Шуйскій. Ц. 10 к.
7. Русскіе летуны въ прошломъ и настоящемъ, съ изложеніемъ воздухоплаванія. Аэростаты. Аэропланы. Воздушный флотъ. Ц. 10 к.
9. Народный вождь. Прокопій Ляпуновъ. Ц. 10 к.
11. Наши зарубежные братья въ борьбѣ за народность. Угорщина. Ц. 10 к.
14. Великая крестьянская реформа при Царѣ-Освободителѣ. Ц. 25 к.
15. Какъ прекратили крѣпостное право на Руси. Ц. 10 к. (Для начальныхъ школь и дѣтей).
16. Жизнь и царствованіе Императора Александра II. Ц. 20.
17. Царь-Освободитель, его дѣла и завѣты. Ц. 10 к. Къ этой книжкѣ изготовлено 46 свѣтовыхъ картинъ для воспроизведенія во время публичныхъ народныхъ чтеній.
18. Сборникъ стихотвореній, посвященныхъ Царю-Освободителю. Ц. 10 к.
20. Великій день. Юбилейная пьеса въ 1 дѣйствіи. Ц. 1 р.
21. Памятка русскому народу о Царѣ - Освободителѣ и его великихъ дѣяніяхъ. Ц. за 100 экз. 8 р. Для раздачи солдатамъ, потѣшнымъ и учащимся.
24. Снимки съ картины: Привѣтствіе Царя-Освободителя. Съ текстомъ. Ц. 100 экз. 1 руб.
25. Открытыя письма съ портретами Императора Александра II и картинами жизни и царствованія. Ц. 10 экз. 40 к., 1 экз. 5 к.

Е. С. Шумигорскій.

329

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

12-го ГОДА.

Дм - 6945

ИЗДАНИЕ
ВСЕРОССИЙСКАГО НАЦИОНАЛЬНАГО КЛУБА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Р. В. Коротавой, Загородный пр., № 10.
1912 г.

2007466179

I.

Причины войны.

Со временъ Петра В., когда преобразованная Россія вошла въ кругъ европейскихъ державъ, ея возникающее могущество стало возбуждать противъ себя зависть и опасенія Западной Европы. Блестящіе успѣхи Россіи въ борьбѣ съ Турціей и преобладающее вліяніе ея въ Польшѣ еще при Екатеринѣ II создавали противъ нея союзы европейскихъ державъ, и уже тогда Россія близка была къ вооруженному столкновенію съ Западомъ. Взрывъ революціи во Франціи побудилъ Европу заняться своими домашними дѣлами и даже просить Екатерину о помощи въ борьбѣ съ революціей. Помощь эта оказана была Австріи и Англіи, изнемогавшимъ въ борьбѣ съ Франціей, уже преемникомъ Екатерины, императоромъ Павломъ, но, несмотря на побѣды русскихъ войскъ, предводимыхъ Суворовымъ, императоръ Павелъ вскорѣ прекратилъ борьбу съ Франціей, когда убѣдился, что его союзники, во вредъ Россіи, преслѣдовали только свои цѣли. Мало того, императоръ Павелъ пришелъ къ мысли, что союзъ съ Франціей болѣе всего можетъ обезпечить интересы Россіи, и вступилъ въ дружескіе переговоры съ Наполеономъ Бонапартомъ, правившимъ тогда Франціей, подъ именемъ перваго консула, и твердой рукою возстановившимъ въ ней порядокъ и законность.

Сынъ и наслѣдникъ императора Павла, Александръ I, поставилъ своей задачей умиротворить Европу, принявъ на себя роль безпристрастнаго и безкорыстнаго посредника.

Но ему не удалось согласить интересы враждующихъ державъ. Наполеонъ Бонапартъ, провозгласивъ себя въ 1804 году императоромъ французовъ, отвергъ дружескія представленія Александра и побудилъ его заключить союзъ съ Австріей и Англійей для обузданія завоевательныхъ стремленій новаго императора. Но, предпринятая съ этой цѣлю война 1805-го года, была неудачна. Наполеонъ разгромилъ армію союзниковъ въ битвѣ подъ Аустерлицемъ и принудилъ Австрію заключить миръ съ Франціей, уступить ей нѣсколько областей и отказаться отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Германіи. Россія уклонилась отъ заключенія мира съ Наполеономъ и уже въ слѣдующемъ 1806 году продолжала борьбу съ нимъ въ союзѣ съ Пруссіей, для которой владычество Франціи въ Германіи было невыносимо: Наполеонъ образовалъ подъ своимъ покровительствомъ Рейнскій союзъ, къ которому принадлежали почти всѣ германскіе владѣтели и лишилъ Пруссію, какъ прежде Австрію, всякаго вліянія на германскія дѣла. Пруссія подняла оружіе противъ Наполеона прежде, чѣмъ подошли къ ней на помощь русскія войска, но армія ея была уничтожена Наполеономъ въ битвахъ при Іенѣ и Ауерштедтѣ. Въ три недѣли Наполеонъ занялъ почти все Прусское королевство и захватилъ важнѣйшія ея крѣпости. Лишь на нижнемъ теченіи Вислы успѣли собраться оставшіяся отъ разгрома части прусскихъ войскъ, а самъ король прусскій бѣжалъ въ Кенигсбергъ, откуда умолялъ императора Александра о помощи. Подъ начальствомъ генерала Беннигсена, русскія войска почти полгода удерживали натискъ французскихъ войскъ въ восточной Пруссіи, одержавъ сначала побѣду надъ ними въ битвѣ при Прейсишъ-Эйлау. Но когда Беннигсенъ потерпѣлъ пораженіе при Фридландѣ, Александръ, прибывшій къ арміи, счелъ за лучшее вступить въ переговоры съ Наполеономъ, чтобы не пустить непріятели въ русскіе предѣлы. Наполеонъ, изнемогавшій въ долгой, бесплодной борьбѣ съ Россіей, съ готовностью принялъ предложеніе Александра и выразилъ желаніе на

личномъ свиданіи съ русскимъ императоромъ покончить всѣ спорные вопросы. Свиданіе это состоялось на паромѣ на срединѣ рѣки Нѣмана и, вслѣдъ затѣмъ, былъ заключенъ Тильзитскій миръ между Франціей и Россіей.

Подчинивъ своему вліянію почти всю Западную Европу, Наполеонъ окруженъ былъ явными и тайными врагами; въ особенности тяжела была для него борьба съ Англіей, умѣвшею своими деньгами создавать противъ него коалиціи (временныя соглашенія державъ) и подорвавшей французскую морскую торговлю. Поэтому для Наполеона нуженъ былъ не только миръ, но и союзъ съ Россіей, интересы которой, казалось, нигдѣ не соприкасались съ французскими. Въ союзѣ съ Россіей для Франціи не была страшна никакая коалиція. „Если мы будемъ въ союзѣ, говорилъ Наполеонъ Александру, миръ будетъ принадлежать намъ“. Наполеонъ предложилъ расширить границы Россіи до рѣки Вислы, содѣйствовать присоединенію къ ней Финляндіи отъ Швеціи и Молдавіи съ Валахіей отъ Турціи. Но Александръ болѣе всего заботился объ интересахъ злополучнаго союзника своего, прусскаго короля, и не считалъ возможнымъ увеличивать русскихъ владѣній за его счетъ. Поэтому Россія получила только Бѣлостокскую область, согласившись на образованіе изъ польскихъ земель, принадлежавшихъ Пруссіи, герцогства Варшавскаго, отданнаго въ управленіе Саксонскому королю. Зато Александру удалось отстоять самостоятельное существованіе Пруссіи, хотя она и лишилась трети своихъ владѣній. Но, вступая въ союзъ съ Наполеономъ, Россія принимала тяжелое для себя обязательство строго соблюдать континентальную систему, усвоенную Наполеономъ, вслѣдствіе которой прекращалась всякая торговля Европейскихъ странъ съ Англіей. Александръ принялъ на себя принудить къ тому Швецію.

Тильзитскій миръ, вслѣдствіе благожелательныхъ чувствъ Александра къ Пруссіи, не принесъ Россіи тѣхъ выгодъ, какія онъ могъ доставить ей, какъ цѣну союза съ Напо-

леономъ. Въ Россіи онъ встрѣченъ былъ, поэтому, съ неудовольствіемъ. Высшее русское общество и придворные круги, во главѣ съ императрицей Маріей Θεодоровной, на союзъ съ Наполеономъ, этимъ „исчадіемъ революціи“, какъ они его называли, смотрѣли какъ на измѣну „общему дѣлу“; къ нимъ примыкали имѣвшіе большой вѣсъ въ Петербургѣ французскіе и германскіе выходцы, пострадавшіе отъ революціи и Наполеона, и представители обездоленныхъ имъ королей: сардинскаго—графъ Жозефъ де Местръ и неаполитанскаго—Серра-Капріола, умѣвшіе создать себѣ тѣсныя связи въ Петербургскомъ обществѣ. Недовольны были миромъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе прекращенія торговли съ Англіей, и средніе классы общества: дворяне, чиновники и торговые люди, такъ какъ они непосредственно потерпѣли отъ паденія курса и обезцѣненія денегъ, что произошло тотчасъ послѣ того, какъ затрудненъ былъ выводъ русскихъ сырыхъ товаровъ въ Англію. Недоумѣвали по поводу союза съ Наполеономъ и низшіе слои населенія Россіи: всего за нѣсколько мѣсяцевъ до заключенія Тильзитскаго мира Св. Синодъ въ особомъ воззваніи, прочитанномъ во всѣхъ церквахъ, называлъ Наполеона врагомъ церкви Христовой, ищущимъ ея гибели. Въ глубинѣ души своей, самъ императоръ Александръ смотрѣлъ на Тильзитскій миръ, какъ на перемиріе, необходимое для сведенія счетовъ со Швеціей и Турціей и для усиленія своей арміи. „Хорошо будетъ смѣяться тотъ, кто посмѣется послѣдній“, писалъ Александръ послѣ Тильзита сестрѣ своей, Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ.

Съ своей стороны, обезпечивъ себя союзомъ съ Россіей, Наполеонъ не зналъ мѣры необузданному своему властолюбію. Самовластно распоряжаясь въ Германіи и Италіи, Наполеонъ задумалъ утвердиться и въ Испаніи, заставивъ испанскаго короля отказаться отъ престола и посадивъ на престолъ брата своего Іосифа; но испанцы, при помощи англійскихъ войскъ, начали съ французами партизанскую войну и отвлекли къ себѣ значительную часть военныхъ

силъ Наполеона. Этимъ задумала воспользоваться Австрія, въ надеждѣ возвратить себѣ потерянные владѣнія, и стала усиленно вооружаться для новой борьбы съ Франціей. Между тѣмъ, отношенія Александра къ Наполеону охладѣли, такъ какъ французы подъ разными предлогами продолжали занимать важнѣйшія прусскія крѣпости, а словесное обязательство Наполеона содѣйствовать присоединенію къ Россіи Молдавіи и Валахіи не получило еще формальнаго подтвержденія. При такомъ положеніи дѣлъ, чтобы укрѣпить союзъ свой съ Россіей, Наполеонъ просилъ Александра о новомъ свиданіи съ нимъ. Оно произошло 27-го сентября въ Эрфуртѣ, въ Германіи, куда оба государя, властители Европы, явились въ сопровожденіи блестящей свиты. Эрфуртское свиданіе, казалось, достигло своей цѣли. Спорные вопросы между Россіей и Франціей получили разрѣшеніе: Наполеонъ получилъ свободу дѣйствій въ Испаніи и обѣщаніе Александра помогать ему въ случаѣ разрыва съ Австріей, а Россія—согласіе Наполеона на присоединеніе Молдавіи и Валахіи и нѣкоторыя льготы для Пруссіи. Но въ сущности Эрфуртское свиданіе было началомъ разлада между обоими монархами: Наполеонъ убѣдился въ томъ, что Александръ по-прежнему остался защитникомъ прусскихъ интересовъ и менѣе всего будетъ способенъ равнодушно смотрѣть на униженіе ея значенія въ Германіи; съ другой стороны, Александръ съ крайнимъ недовѣріемъ относился къ властолюбивымъ планамъ Наполеона и къ его обѣщаніямъ: императрица Марія Ѳеодоровна, предъ отъѣздомъ Александра въ Эрфуртъ, даже убѣждала его отказаться отъ этой поѣздки, боясь, что Наполеонъ можетъ лишить его свободы такъ же, какъ незадолго предъ тѣмъ захватилъ онъ испанскую королевскую чету при свиданіи въ Байонѣ. При такомъ настроеніи императора Александра и его матери, осталась безуспѣшной и попытка Наполеона—скрѣпить свой союзъ съ Россіей родствомъ съ русскимъ Императорскимъ домомъ. Александръ уклонился отъ прямого отвѣта на вопросъ, можетъ

ли Наполеонъ разсчитывать, въ случаѣ развода своего съ бездѣтной Жозефиной, на руку сестры Александра, великой княгини Екатерины Павловны.

Дальнѣйшія событія повели къ окончательному разрыву союза между Россіей и Франціей, обѣщавшаго при своемъ возникновеніи такъ много для интересовъ обоихъ государствъ. Наполеонъ подъ благовиднымъ предлогомъ не исполнилъ своего обѣщанія двинуть корпусъ своихъ войскъ въ войнѣ ея со Швеціей для содѣйствія Россіи, а Александръ съ своей стороны не оказалъ существенной помощи Наполеону въ новой войнѣ его съ Австріей: движеніе русскихъ войскъ въ Галицію имѣло видъ военной прогулки и обошлось безъ столкновенія съ австрійскими войсками. Такимъ образомъ Россія лишилась представлявшейся ей возможности воссоединить съ собою всю зарубежную Галицкую Русь и при заключеніи мира съ Австріей, Наполеонъ выговорилъ для Россіи уступку ей лишь Тарнопольскаго округа съ населеніемъ въ 400.000 человекъ. Гораздо болѣе, въ томъ числѣ всю сѣверную Галицію, получило Варшавское герцогство, польскія войска котораго восторженно дрались съ австрійцами, надѣясь на возрожденіе Польши подъ покровительствомъ Наполеона. Эти польскія надежды послужили новымъ поводомъ къ неудовольствію Александра. Онъ сочувствовалъ полякамъ и склоненъ былъ содѣйствовать возстановленію Польши, но не иначе, какъ подъ покровительствомъ Россіи, потому что Польша, возстановленная Наполеономъ и подъ его покровительствомъ, могла угрожать спокойствію и цѣлости Россіи. Императоръ Александръ потребовалъ отъ Наполеона заключенія конвенціи, (соглашенія) которою онъ обязался бы никогда не возстановлять Польши. Въ это время уже совершивъ разводъ свой съ Жозефиной, Наполеонъ обратился къ Александру съ просьбою руки младшей его сестры, великой княжны Анны Павловны, такъ какъ великая княжна Екатерина Павловна въ самомъ началѣ 1809 года вступила въ супружество съ принцемъ Ольденбургскимъ. Надѣясь на удовлетворитель-

ный исходъ сватовства, Наполеонъ отвѣчалъ на требованіе Александра, что „далекій отъ намѣренія возстановить Польшу, онъ не только не хочетъ подавать поводъ къ помышленію о томъ, но готовъ, совмѣстно съ русскимъ императоромъ, принять всѣ мѣры для уничтоженія между жителями прежней Польши всякаго о ней воспоминанія и для истребленія самаго имени Польши и поляковъ изъ всѣхъ публичныхъ актовъ, даже изъ исторіи“. Но въ Петербургѣ уже тяготились союзомъ съ властолюбивымъ французскимъ императоромъ, еще менѣе желали скрѣпить союзъ этотъ узами родства между императорскими домами. Послѣ долгихъ проволочекъ дали знать Наполеону, что нѣжная молодость 16-лѣтней великой княжны не дозволяетъ ей теперь вступить въ бракъ, и просили отсрочки на два, на три года. Получивъ этотъ отвѣтъ, Наполеонъ отказался утвердить соглашеніе о Польшѣ, уже заключенное въ Петербургѣ его посломъ, Коленкурромъ, предлагая замѣнъ того обязательство, что онъ никогда не будетъ способствовать никакому предпріятію, клонящемуся прямо или косвенно къ возстановленію Польши и помогать возмущенію областей, нѣкогда составлявшихъ польское королевство. Но Александръ счелъ это обязательство недостаточнымъ, и переговоры о Польшѣ прекратились. Вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ вступилъ въ бракъ съ дочерью австрійскаго императора, эрцгерцогиней Маріей Луизой, и политика его приняла по отношенію къ Россіи враждебный характеръ, отчасти подъ вліяніемъ Австріи, боявшейся успѣховъ Россіи въ Польшѣ и Турціи.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ это именно время императоръ Александръ желалъ избѣжать немедленнаго столкновенія съ Франціей. Шведская война только что была закончена приобрѣтеніемъ Финляндіи, но на рукахъ была война съ Турціей, не желавшей купить миръ цѣной уступки Молдавіи и Валахіи; въ этомъ упорствѣ Турцію, не смотря на побѣды русскихъ войскъ, поддерживали агенты Англии, Австріи и даже самого Наполеона. Притомъ Россія не была

еще готова къ борьбѣ съ колоссальными силами Наполеона. Въ перепискѣ съ матерью, императрицей Маріей Ѳеодоровной, по поводу сватовства Наполеона, императоръ Александръ въ началѣ 1810 года прямо заявлялъ, что для подготовки къ войнѣ съ Наполеономъ ему нужно выиграть еще по крайней мѣрѣ три года. Вопросъ былъ только въ томъ, дастъ ли ему это время Наполеонъ. Дѣйствительно, вынужденный сближенію съ Россіей предпочесть сближеніе съ Австріей, Наполеонъ поддавался внушеніямъ Австріи, надѣявшейся только выиграть изъ столкновенія двухъ опасныхъ для нея сосѣдей, какой бы ни былъ исходъ борьбы между ними. и, увлекаемый своимъ безграничнымъ властолюбіемъ, уже не считался съ интересами Россіи. Простыми указами онъ присоединилъ къ Франціи часть Тироля, Голландію, земли между Сѣвернымъ и Балтійскимъ морями и вольные города Гамбургъ, Бременъ и Любекъ. Вслѣдъ затѣмъ и такимъ же образомъ, вопреки условіямъ Тильзитскаго договора, присоединилъ онъ къ Франціи и владѣнія герцога Ольденбургскаго, связаннаго узами родства съ русскимъ императорскимъ домомъ, предлагая герцогу, какъ родственнику императора Александра, въ обмѣнъ городъ Эрфуртъ съ округомъ. Въ то же время Наполеонъ высказывалъ неудовольствіе по поводу измѣненія нашей торговой политики. Строгое соблюденіе континентальной системы, уничтожившей нашу морскую торговлю съ Англіей и вывозъ сырья, привело къ паденію курса и цѣнности ассигнацій; между тѣмъ, огромныя суммы, уходили изъ Россіи за границу въ уплату за предметы роскоши, главнымъ образомъ, за французскіе товары. Это побудило императора Александра издать въ декабрѣ 1810 г. тарифъ или положеніе о нейтральной торговлѣ, которымъ, между прочимъ, запрещенъ былъ ввозъ въ Россію многихъ издѣлій французскихъ мануфактуръ. Узнавъ объ этомъ, Наполеонъ жаловался, что постановленіе это лишаетъ Францію торговли съ Россіей и нарушаетъ ихъ союзныя отношенія.

Особенно неприятны были для Наполеона военныя при-

готовленія Россіи, о которыхъ доносили ему его тайные и явные агенты. Приготовленія эти внушали ему тѣмъ большія опасенія, что они поддерживали надежды нѣмцевъ на свое освобожденіе отъ французскаго ига. Не подчинивъ Александра своей волѣ, Наполеонъ не могъ разсчитывать на покорность себѣ Германіи, и надъ нимъ постоянно висѣла угроза новой европейской коалиціи (соглашеніе державъ). Въ то же время континентальная система, строгимъ соблюденіемъ которой Наполеонъ надѣялся сломить могущество Англіи, безъ содѣйствія Россіи являлась, по его словамъ, пустою мечтою. Отъ враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи Наполеона удерживала лишь одна война въ Испаніи и необходимость пополнить свою армію и военные запасы. До того времени, по донесенію флигель-адъютанта императора Александра, Чернышева, онъ желалъ поддерживать переговоры съ Россіей, то угрожая ей, то обнаруживая по временамъ самыя миролюбивыя намѣренія.

Такимъ образомъ выясняются три видимыя причины, которыя вели къ столкновенію Россію и Францію: 1) польскій вопросъ, 2) дѣло Ольденбургское и 3) тарифъ 1810 г. Каждая изъ причинъ этихъ, по внимательномъ разсмотрѣніи, не была настолько важной, чтобы обѣ колоссальныя имперіи не могли сговориться между собою вмѣсто того, чтобы начинать борьбу, отъ которой, могли выиграть только естественные ихъ враги: Англія, Австрія и Пруссія. Недаромъ ихъ петербургскіе и парижскіе агенты, совмѣстно съ французскими эмигрантами, дѣлали все возможное, чтобы раздуть пламя вражды между двумя императорами, и боялись сближенія между ними до самаго момента вторженія Наполеона въ русскіе предѣлы. Когда война сдѣлалась неизбежною, Жозефъ-де-Местръ писалъ своему правительству: „въ сущности ничто не мѣшаетъ этимъ двумъ господамъ сговориться и подѣлить между собой Европу“. Но въ основѣ недоразумѣній, возникшихъ между Александромъ и Наполеономъ, было глубокое недовѣріе ихъ другъ къ другу. Александръ былъ убѣжденъ, что Напо-

леонъ стремится поработить Россію, какъ порабощены были имъ другія европейскія державы, а Наполеонъ, съ своей стороны, не могъ чувствовать себя въ безопасности, зная, что Германія, въ особенности Пруссія, при постоянныхъ симпатіяхъ къ ней Александра, всегда найдетъ въ немъ опору въ борьбѣ съ своимъ притѣснителемъ. Называя Александра, за его предполагаемую хитрость и неискренность, „грекомъ восточной имперіи“, Наполеонъ, конечно, не могъ не знать, что при русскомъ дворѣ онъ пользовался недоброй репутаціей двоедушнаго и клятвопреступнаго корсиканца.

Силы, приготовленныя для борьбы обоими противниками, были огромны: такихъ еще не видала Европа въ международныхъ своихъ столкновеніяхъ. Весною 1812 года на берегахъ Одера и Вислы Наполеонъ собралъ свыше 600 тысячъ лучшихъ своихъ войскъ, къ которымъ присоединены были войска государей Рейнскаго союза и герцогства Варшавскаго. Австрія и Пруссія также отдали въ распоряженіе Наполеона вспомогательные корпуса въ надеждѣ пріобрѣсти, въ случаѣ удачнаго исхода войны, нѣкоторыя русскія области, хотя тайно и сообщили въ Петербургъ, что они вступили въ союзъ съ Франціей только изъ боязни мести Наполеона вопреки своимъ чувствамъ дружбы къ Александру. Наполеонъ, кромѣ того, оставилъ достаточное число войскъ въ Испаніи, гдѣ французы не могли еще подавить сопротивленіе испанцевъ и англичанъ.

Съ своей стороны, императоръ Александръ собралъ на западной границѣ Россіи три арміи. Первая армія (127.000 человѣкъ) находилась въ Виленской губерніи, подъ начальствомъ военнаго министра Баркляя де Толли; вторая (47.000) ввѣрена была сподвижнику Суворова, князю Багратіону, и расположена была въ Гродненской губерніи; наконецъ третья, численностью въ 43.000 человѣкъ, подъ начальствомъ Торماسова, двинута была къ австрійскимъ границамъ. Дунайская армія, подъ начальствомъ Кутузова,

не могла еще оставить Молдавіи и Валахіи, такъ какъ турки, подъ вліяніемъ происковъ Наполеона, не хотѣли уступать требованіямъ Россіи и грозили продолженіемъ войны. Такимъ образомъ войска Александра, по численности своей, уступали арміи Наполеона, и это было главной причиной того, что у насъ рѣшено было вести войну оборонительную. Главнымъ пунктомъ обороны избранъ былъ городъ Дрисса, на Западной Двинѣ, гдѣ, по совѣту прусскаго генерала Фуля, сооруженъ былъ укрѣпленный лагерь.

Императоръ Александръ сознавалъ всю трудность предстоящей борьбы. „У меня нѣтъ такихъ генераловъ, какъ ваши, говорилъ онъ французскому послу Коленкуру въ 1811 году, самъ я не такой полководецъ и администраторъ, какъ Наполеонъ, но у меня хорошіе солдаты и преданный мнѣ народъ, и мы скорѣе умремъ съ оружіемъ въ рукахъ, нежели позволимъ поступать съ нами, какъ съ голландцами и гамбургцами. Но, увѣряю васъ честью, я не сдѣлаю перваго выстрѣла. Я допущу васъ перейти Нѣманъ, но самъ не перейду его; я не хочу войны, не желаетъ ея и мой народъ, хотя и озлобленъ отношеніями ко мнѣ вашего императора... Но, если на него нападутъ, онъ сумѣетъ постоять за себя... Я не ослѣпляюсь мечтами и знаю, въ какой мѣрѣ императоръ Наполеонъ—великій полководецъ; но на моей сторонѣ пространство и время. Во всей той враждебной для васъ землѣ нѣтъ такого отдаленнаго угла, куда я бы не отступилъ, нѣтъ такого пункта, котораго я не сталъ бы защищать, прежде чѣмъ заключить постыдный миръ. Я не начну войны, пока хотя одинъ непріятельскій солдатъ будетъ оставаться въ Россіи“. Уже въ этихъ словахъ императора Александра, ясенъ былъ планъ предстоящей борьбы. Средствомъ для нея являлась не армія только, а весь народъ; чтобы побѣдить Россію, недостаточно было выиграть нѣсколько сраженій, что казалось дѣломъ легкимъ для Наполеона, а надобно было шагъ за шагомъ, на неизмѣримомъ пространствѣ, преодо-

лѣтъ сопротивленіе народныхъ массъ, потревоженныхъ въ своихъ нѣдрахъ. Въ Петербургѣ враги Наполеона всегда указывали на Испанію, какъ на достойный примѣръ для борьбы съ Наполеономъ, и ласкали себя надеждой, что Россія сдѣлается могилой для французскихъ войскъ и могущества Наполеона, хотя бы цѣной разоренія Россіи. На этомъ планѣ настаивалъ и бывшій маршалъ Наполеона Бернадотъ, избранный шведскимъ сеймомъ въ наслѣдники бездѣтнаго шведскаго короля Карла XIII. Бернадотъ желалъ пріобрѣсти новому своему отечеству Норвегію, принадлежавшую тогда Даніи, и поставилъ это условіемъ союза Швеціи съ Франціей, котораго добивался Наполеонъ. Не встрѣтивъ съ его стороны согласія на это условіе, Бернадотъ обратился къ императору Александру съ предложеніемъ союза противъ Наполеона съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ успѣха войны, Александръ гарантировалъ бы Швеціи присоединеніе Норвегіи, что охотно и принято было императоромъ.

Наполеонъ не обманывался въ томъ, что Россія сдѣлалась послѣднимъ убѣжищемъ и надеждой всѣхъ его враговъ. „Все это, писалъ онъ, напоминаетъ сцену изъ оперы, въ которой англичане управляютъ театральными машинами“. Но, сдѣлавъ огромныя военныя приготовленія, онъ надѣялся, что, испытавъ нѣсколько пораженій, Александръ будетъ принужденъ просить мира. Чтобы облегчить его заключеніе, Наполеонъ не хотѣлъ даже поощрять мечтаний поляковъ о возстановленіи Польши, уклоняясь отъ прямыхъ обѣщаній въ этомъ смыслѣ. Едва ли онъ могъ мечтать о покореніи Россіи, а западныя ея области, въ которыхъ онъ надѣялся найти содѣйствіе поляковъ и нѣмцевъ, не представляли для него опасностей народной войны. Немало друзей и сподвижниковъ Наполеона предостерегали его противъ похода въ Россію, указывая на примѣръ Карла XII, но онъ слѣпо вѣрилъ въ свою звѣзду.

4-го мая 1812 года, Наполеонъ, сопровождаемый своей супругой, отправился изъ Парижа въ Дрезденъ, гдѣ встрѣ-

тили его всѣ союзные съ Франціей монархи, во главѣ съ императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ. Здѣсь онъ, среди празднествъ и торжествъ, сдѣлалъ послѣднія распоряженія, чтобы придвинуть корпуса своей арміи къ границамъ Россіи. Изъ Дрездена Наполеонъ поѣхалъ къ Нѣману, чтобы лично принять начальство надъ арміей.

II.

Отъ Нѣмана до Смоленска.

Еще въ началѣ апрѣля 1812 года императоръ Александръ прибывъ изъ Петербурга въ Вильну, чтобы ознакомиться съ положеніемъ первой арміи, находившейся подъ начальствомъ военнаго министра Барклая-де-Толли. „Армія, писалъ онъ генераль-фельдмаршалу графу Салтыкову, въ самомъ лучшемъ духѣ. Артиллерія, которую успѣлъ я осмотрѣть, въ наипрекраснѣйшемъ состояніи. Возлагая все мое упованіе на Всевышняго, спокойно ожидаю дальнѣйшихъ событій“. Въ маѣ прибылъ въ Вильну посланецъ Наполеона, графъ Нарбоннъ, съ письмомъ его къ государю, заключавшимъ жалобы на Россію, и съ секретнымъ порученіемъ собрать свѣдѣнія о положеніи русскихъ войскъ. Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ императоръ Александръ извѣщалъ Наполеона, что, прежде открытія переговоровъ о соглашеніи, онъ долженъ очистить отъ французскихъ войскъ Пруссію и шведскую Померанію. Послѣ отъѣзда Нарбонна, получено было въ Вильнѣ отъ Кутузова, командовавшаго Дунайской арміей, радостное извѣстіе о заключеніи мира съ Турціей, которая уступила Россіи Бессарабію. Такимъ образомъ, боевая Дунайская армія, могла присоединиться къ войскамъ, предназначеннымъ дѣйствовать противъ Наполеона. Графское, а затѣмъ и княжеское достоинство было наградой Кутузову за его военныя и дипломатическія заслуги.

Во время пребыванія своего въ Вильнѣ, лаская поляковъ, въ надеждѣ привязать ихъ къ Россіи, императоръ Александръ входилъ во всѣ подробности управленія арміями. Можно было предполагать, что себѣ лично онъ предоставлялъ верховное командованіе ими, такъ какъ главнокомандующіе арміями: Барклай-де-Толли, князь Багратіонъ и Торماسовъ не были подчинены другъ другу. Но общаго плана военныхъ дѣйствій выработано не было, инициативу ихъ предоставляли Наполеону. Арміи наши оставались разобщенными, потому, что не знали, куда именно направить Наполеонъ свой главный ударъ: къ сѣверу или къ югу. Казачьи разъѣзды и развѣдчики наши по теченію Нѣмана отъ Гродно до Юрберга, сообщали лишь о скопленіи на лѣвомъ берегу Нѣмана огромныхъ непріятельскихъ силъ. Между тѣмъ Наполеонъ пріѣхалъ въ лагерь подъ Вильковискомъ, по дорогѣ въ Ковно, и здѣсь отдалъ слѣдующій приказъ:

„Солдаты! Вторая война польская началась. Первая кончилась подъ Фридландомъ и Тильзитомъ. Въ Тильзитѣ Россія поклялась на вѣчный союзъ съ Франціей и войну съ Англіей. Нынѣ нарушаетъ она клятвы свои и не хочетъ дать никакого объясненія о странномъ поведеніи своемъ, пока орлы французскіе не возвратятся за Рейнъ, предавъ во власть ея союзниковъ нашихъ. Россія увлекается рокомъ! Судьба ея должна исполниться. Не считаетъ ли она насъ измѣнчившимися? Развѣ мы уже не воины аустерлицкіе? Россія ставитъ насъ между безчестьемъ и войною. Выборъ не будетъ сомнителенъ. Пойдемъ же впередъ! Перейдемъ Нѣманъ, внесемъ войну въ русскіе предѣлы. Вторая польская война, подобно первой, прославитъ французское оружіе, но миръ, который мы заключимъ, будетъ проченъ и положитъ конецъ пятидесятилѣтнему кичливому вліянію Россіи на дѣла Европы“.

12-го іюня, послѣ полуночи, въ присутствіи Наполеона совершена была переправа главныхъ его силъ, черезъ Нѣманъ, между Ковно и Понемунями, для чего наведены были

три моста. Почти одновременно переправились въ разныхъ мѣстахъ и прочія части огромной французской арміи, всего до 400.000 человекъ съ 1.300 орудій, не встрѣтивъ со стороны русскихъ никакого сопротивленія. Планъ Наполеона былъ простъ. Самъ онъ съ гвардіей и съ корпусами маршаловъ: Даву, Нея и Удино двинулся по дорогѣ въ Вильну, чтобы разбить по одиночкѣ разобщенные корпуса 1-й арміи; въ то же время братъ его, король вестфальскій Иеронимъ, долженъ былъ напасть съ 80.000-й арміей на армію князя Багратіона; въ промежуткѣ же между Наполеономъ и Иеронимомъ вице-король итальянскій Евгений Богарне, также съ 80.000-й арміей, движеніемъ на Новые Троки долженъ былъ помѣшать соединенію Барклая де Толли съ Багратіономъ и прекратить между ними всякое сообщеніе. вмѣстѣ съ тѣмъ, маршалъ Макдональдъ переправился у Тильзита для осады Риги, а австрійскій корпусъ князя Шварценберга вступилъ въ Минскую губернію.

Донесеніе нашихъ разъѣздовъ о переправѣ французовъ черезъ Нѣманъ и о занятіи ими Ковно получено было въ Вильнѣ вечеромъ 12 іюня во время бала въ Закретѣ, даннаго императору его генераль-адъютантами. Но Александръ уже имѣлъ свѣдѣнія о готовящейся переправѣ французовъ и еще днемъ отдалъ чрезъ Барклая де Толли приказъ о сосредоточеніи войскъ 1-й арміи позади Вильны, у Свенцянь. Тогда же послано было повелѣніе Багратіону о началіи военныхъ дѣйствій. 13 іюня отданъ былъ слѣдующій приказъ по арміямъ:

„Съ давняго времени примѣчали Мы непріязненные противъ Россіи поступки французскаго императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надѣялись отклонить оныя. Наконецъ, видя безпрестанное возобновленіе явныхъ оскорбленій, при всемъ нашемъ желаніи сохранить тишину, принуждены Мы были ополчиться и собрать войска Наши, но и тогда, ласкаясь еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ Нашей имперіи, не нарушая мира, а

бывъ токмо готовыми къ оборонѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не могли удержать желаемого Нами спокойствія. Французскій императоръ нападеніемъ на войска Наши при Ковно открылъ первый войну. Итакъ, видя его никакими средствами непреклоннаго къ миру, не остается Намъ ничего инаго, какъ, призвавъ на помощь Свидѣтеля и Защитника правды, Всемогущаго Творца Небесъ, поставить силы Наши противъ силъ непріятельскихъ. Не нужно Миѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ Нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течеть громкая побѣдами кровь Славянъ. Воины! вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ“.

Въ рескриптѣ, данномъ на имя князя Н. И. Салтыкова, оставленнаго въ Петербургѣ во главѣ управленія, находились знаменательныя слова: „Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ“.

Впрочемъ, тогда же императоръ Александръ попробовалъ вновь вступить въ переговоры съ Наполеономъ на условіи, чтобы онъ вышелъ изъ предѣловъ Россіи. Съ этою цѣлію онъ отправилъ на встрѣчу Наполеону съ собственноручнымъ къ нему письмомъ генераль-адъютанта Балашова. Задержанный на пути маршаломъ Даву, Балашовъ представленъ былъ Наполеону уже по прибытіи его въ Вильно, въ томъ самомъ кабинетѣ, откуда отправлялъ его нѣсколькими днями ранѣе императоръ Александръ. Упоенный успѣхами завоеватель обошелся съ Балашовымъ высокомерно. Въ разговорѣ съ нимъ Наполеонъ жаловался на ненависть къ себѣ русскаго императора, грозилъ высылкой въ Россію родственниковъ ему германскихъ владѣтелей и наотрѣзъ отказалъ въ требованіи отступить за предѣлы Россіи“. „И теперъ еще есть время примириться, сказалъ онъ: начните переговоры съ Лористономъ (французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ), пригласите его въ вашу главную квартиру или отправьте къ нему въ Петербургъ канцлера; между тѣмъ, заключимъ перемиріе, но ни въ

какомъ случаѣ я не отступлю изъ Вильны“. „Не за тѣмъ я перешелъ чрезъ Нѣманъ, чтобы возвращаться“, прибавилъ онъ, заканчивая разговоръ. Если императоръ Александръ, отправляя Балашова, имѣлъ мысль на личномъ свиданіи съ Наполеономъ обсудить всѣ спорные вопросы, то этотъ отвѣтъ долженъ былъ показать ему, что бывший его союзникъ не былъ расположенъ повторить Тильзитское свиданіе. Послѣ этого императоръ Александръ отказывалъ уже Наполеону въ какихъ бы то ни было личныхъ сношеніяхъ съ нимъ даже чрезъ посланцевъ до самаго его паденія.

Если вѣрить разсказу Балашова о подробностяхъ свиданія его съ Наполеономъ, то русскій посланецъ удачно отвѣтилъ на вопросъ его, какая дорога ведетъ въ Москву: „въ Москву ведетъ много дорогъ; Карлъ XII избралъ дорогу на Полтаву“.

Наполеонъ вступилъ въ Вильну почти безпрепятственно уже 16 іюня, преслѣдуя отступавшія къ Дриссѣ русскія войска. Поляки встрѣтили его восторженно, объявляя его возстановителемъ Польши. Но Наполеонъ холодно принялъ депутацію польскаго сейма, прибывшую къ нему изъ Варшавы съ просьбою о возстановленіи Польскаго королевства въ древнихъ его границахъ, сказавъ ей, что поляки должны сами своими усиліями достигать желаемой ими цѣли. Онъ хотѣлъ только заставить поляковъ принести всѣ жертвы для успѣха своего похода. Не довольствуясь войсками Варшавскаго герцогства, онъ приказалъ начать въ литовскихъ губерніяхъ формированіе 5 пѣхотныхъ и 4 конныхъ полковъ, назначая командирами и штабъ-офицерами въ нихъ знатныхъ дворянъ, а на низшія должности— оберъ-офицеровъ и унтеръ-офицеровъ изъ войскъ Варшавскаго герцогства. Онъ учредилъ въ Вильнѣ изъ семи членовъ-поляковъ комиссію временнаго правительства великаго княжества литовскаго подъ наблюденіемъ французскаго комиссара. Цѣлью этой комиссіи было упра-

вленіе, именемъ Наполеона, занятыми имъ, русскими областями, продовольствіе французскихъ войскъ, взиманіе податей, устройство почтъ, организація ополченія и пожертвованій. Въ городахъ образована была народная стража и жандармскія команды. Поляки на каждомъ шагу, пользуясь всѣми удобными случаями, старались показывать ненависть къ Россіи и раболѣпство предъ Наполеономъ. За поляками французы не видѣли исконныхъ насильниковъ края—литвиновъ и бѣлоруссовъ, которые не только не сочувствовали имъ, но проклинали пришельцевъ за ихъ насилія и грабежи. Уже тотчасъ по переходѣ чрезъ Нѣманъ французская армія начала страдать отъ голода и климатическихъ условій страны. Продовольственные запасы, заготовленные для своихъ войскъ Наполеономъ, не могли поспѣвать за быстрымъ движеніемъ его арміи, а литовскія губерніи уже были истощены долгимъ пребываніемъ среди нихъ русскихъ войскъ. Когда пайки, находившіеся при солдатахъ, были съѣдены, французы почувствовали острую нужду въ продовольствіи. Начались грабежи мирныхъ жителей, и селенія, находившіяся на пути французовъ, быстро опустѣли: жители спасались среди лѣсовъ и болотъ. Особенно свирѣпствовали солдаты, оставшіе при скоромъ маршѣ арміи, и дезертиры. 20 іюня Наполеонъ отдалъ приказъ по арміи, въ которомъ самъ засвидѣтельствовалъ начинавшееся разложеніе своей арміи. „Въ тылу арміи, писалъ онъ, совершаются преступленія бродягами и солдатами, недостойными имени французовъ. Они затрудняютъ сообщенія и препятствуютъ устройству продовольствія“; онъ приказалъ предавать ихъ суду, а для поимки ихъ образовать три маршевыя колонны. Кромѣ того, въ половинѣ іюня начались бури и ливни, размывшіе дороги. Лазареты наполнились больными солдатами, до 10.000 лошадей пало въ одну ночь. Наполеонъ, такимъ образомъ, съ самаго начала похода, долженъ былъ увидѣть, что походъ въ бѣдной, мало населенной странѣ, съ суровымъ климатомъ, представляетъ иныя задачи, иныя труд-

ности, чѣмъ прежніе походы его въ Западной Европѣ. Чтобы привести въ порядокъ хозяйственную часть арміи, онъ принужденъ былъ отказаться отъ быстрого преслѣдованія русскихъ войскъ и прожить въ Вильнѣ цѣлыя двѣ недѣли, остановивъ здѣсь и значительную часть арміи. Но пресѣчь зло въ корнѣ Наполеону не удалось, и при дальнѣйшемъ походѣ оно развилось еще болѣе, главнымъ образомъ отъ недостатка средствъ въ продовольствіи.

Между тѣмъ, наши войска отступали въ глубь Россіи. Цѣлью отступленія ихъ полагалось соединеніе 1-й и 2-й армій, разъединенныхъ стратегическимъ планомъ Наполеона. „Барклай де Толли и Багратіонъ болѣе не увидятся“, насмѣшливо говорилъ Наполеонъ, не предвидя того, что французы сами не будутъ въ состояніи совершать быстрыхъ движеній. Дѣйствительно, русскія войска находились въ тяжеломъ положеніи. Войска 1-й арміи быстрыми маршами успѣли сосредоточиться 27 іюня въ Дрисскомъ лагерѣ, но здѣсь обнаружались всѣ его недостатки, дѣлавшіе изъ него своего рода ловушку для русскихъ войскъ, которою Наполеонъ не замедлилъ бы воспользоваться. Въ день вступленія въ Дрисскій лагерь въ приказѣ по войскамъ, было объявлено, что „Дрисскій лагерь является цѣлью, къ которой они стремились“ и что „теперь предстоитъ новый случай оказать извѣстную ихъ храбрость и пріобрѣсти награду за понесенные труды“, и такимъ образомъ выражена была готовность принять сраженіе съ Наполеономъ; теперь ожидали только извѣстій отъ князя Багратіона, чтобы отступить еще далѣе, къ Полоцку. Извѣстія эти также были печальны. Подавляемый превосходными силами непріятеля, не допускаящими его соединиться съ Барклаемъ, Багратіонъ, отбивая на каждомъ шагу нападенія врага, отступалъ къ Могилеву на Днѣпрѣ и такимъ образомъ не могъ сблизиться съ 1-й арміей. Вслѣдствіе этого и 1-я армія 4 іюля вышла изъ Дрисскаго лагеря и двинулась по правому берегу Двины къ Витебску, оставивъ на Двинѣ для защиты Петербургской дороги корпусъ войскъ

подъ начальствомъ графа Витгенштейна, численностію до 30.000 человекъ.

Въ Дриссѣ явился къ императору Александру Балашовъ съ отказомъ Наполеона вступить въ переговоры на указанномъ императоромъ условіи, и тогда же выяснилось вполнѣ численное превосходство непріятельскихъ силъ и наша неготовность къ войнѣ. „До сихъ поръ, писалъ императоръ Александръ кн. Салтыкову, благодаря Всевышняго, всѣ наши арміи въ совершенной цѣлости, но тѣмъ мудренѣе и деликатнѣе становятся всѣ наши шаги. Одно фальшивое движеніе можетъ испортить все дѣло противъ непріятели, силами насъ превосходнѣе, можно сказать смѣло, на всѣхъ пунктахъ. Противъ нашей 1-й арміи, составленной изъ 12 дивизій, у него ихъ 16 или 17, кромѣ трехъ, направленныхъ въ Курляндію и Ригу. Противъ князя Багратіона, имѣвшаго 6 дивизій, у непріятели 11. Противъ одного Тормасова силы довольно равны. Рѣшиться на генеральное сраженіе столь же щекотливо, какъ и отъ онаго отказаться; въ томъ и другомъ случаѣ легко открывать дорогу на Петербургъ; но, потерявъ сраженіе, трудно будетъ исправиться для продолженія кампаніи. На негоціаціи же намъ и надѣяться нельзя, потому что Наполеонъ ждетъ нашей гибели и ожидать добраго отъ него есть пустая мечта. Единственно продолженіемъ войны можно уповать съ помощію Божіею перебороть его“. Тогда же Александръ писалъ Шведскому наслѣдному принцу (Бернадоту): „Будьте увѣрены, что, когда началась война, мое твердое намѣреніе протянуть ее на многіе годы, хотя бы пришлось мнѣ сражаться на берегахъ Волги“.

Но для этой цѣли нужно было возбудить патріотизмъ русскаго народа, побудить его къ жертвамъ людьми и имуществомъ, возжечь наконецъ народную войну. Со времени Петра В., Россія не вела войны въ своихъ предѣлахъ; даже нашествіе Карла XII коснулось лишь южныхъ ея границъ, Малороссіи. Жертвуя людьми и деньгами,

русскій народъ привыкъ слѣдить за военными дѣйствіями изъ прекраснаго далека. Такъ относились сначала и къ войнѣ 1812 года. „Стали ходить смутные слухи, что Бонапартъ съ нами не ладитъ и что какъ бы не было войны. Ну, что-жь? Развѣ мы прежде не воевали? То съ нѣмцами, то съ Турціей или со шведами; отчего же не повоевать и съ Бонапартомъ? Тогда толковали, что Тильзитскій миръ, очень невыгодный для Россіи, оттого и былъ такъ легко заключенъ нашимъ государемъ, что имѣлось въ виду нарушить его при первомъ удобномъ случаѣ. Потому неладныя отношенія между нами и Бонапартомъ не очень насъ смущали: пусть грозитъ—повоюемъ“. Но теперь съ Бонапартомъ на Россію шелъ весь Западъ Европы, и нашествіе его угрожало кореннымъ русскимъ областямъ, даже обѣимъ столицамъ государства — Петербургу и Москвѣ. Не зная сущности дипломатическихъ переговоровъ между Александромъ и Наполеономъ, русскіе люди возмущены были однимъ фактомъ нашествія иноплеменниковъ на русскую землю и готовы были для изгнанія ихъ на всевозможныя жертвы. Чувство любви къ родинѣ объединило всѣ сословія, примирило самые противоположные интересы. Подготавливая походъ свой на Россію, Наполеонъ рассчитывалъ возбудить крестьянъ противъ помѣщиковъ, склонить ихъ на свою сторону уничтоженіемъ крѣпостного права. Мысль эту многіе и въ Россіи считали справедливою. „Многіе изъ помѣщиковъ, говоритъ Вигель, опасались, что приближеніе французской арміи и тайно подосланные отъ нея люди прельщеніями, подговорами, возмутятъ противъ нея крестьянъ и дворовыхъ людей. Напротивъ, въ это время казалось, что съ дворянами и купцами слились они въ одно тѣло“. Поэтому призывъ къ народу для отраженія нашествія былъ какъ нельзя болѣе кстати. Еще въ Дриссѣ объявлены были распоряженія о сформированіи новыхъ полковъ и о рекрутскомъ наборѣ въ западныхъ губерніяхъ, но уже чрезъ день по выходѣ изъ Дриссы императоръ Александръ подписалъ

воззваніе къ Москвѣ и манифестъ о вооруженіи всего государства противъ Наполеона, написанные краснорѣчивымъ перомъ адмирала Шишкова. „Да встрѣтитъ онъ, говорилось въ манифестѣ, въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданѣ Минина... Народъ русскій! Храброе потомство храбрыхъ славянъ! Ты неоднократно сокрушало зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ. Соединитесь всѣ: съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ“. Чтобы лично руководить организаціей народныхъ силъ для отпора Наполеону, императоръ Александръ рѣшилъ въ Полоцкѣ оставить армію и, на пути въ Петербургъ, посѣтитъ Москву.

Къ сожалѣнію, императоръ Александръ, уѣзжая изъ арміи, не ввѣрилъ никому, вмѣсто себя, верховнаго командованія войсками, дѣйствовавшими противъ Наполеона. Между тѣмъ, командовавшей 1-й арміей, военный министръ Барклай де Толли, по слабому своему характеру и нерусскому происхожденію, не пользовался довѣріемъ арміи, тѣмъ болѣе, что онъ окружилъ себя нѣмецкими офицерами, на которыхъ войска также смотрѣли съ подозрѣніемъ. Русскіе солдаты кипѣли мужествомъ, съ негодованіемъ смотрѣли на свое отступленіе и жаждали сраженія. Естественно было многимъ думать, что иностранцы, подобно Фулю, изобрѣтателю Дрисскаго лагеря, не сумѣвшіе спасти своей родины отъ ига Наполеона, и въ Россіи будутъ виновниками его побѣдъ; раздавались даже рѣчи объ измѣнѣ. Трудно сказать даже, насколько самъ Барклай былъ виновникомъ отступленія въ глубь Россіи: оно предписывалось обстоятельствами, необходимостію соединенія со 2-й арміей. Пользовавшийся полнымъ довѣріемъ русскихъ войскъ, сподвижникъ Суворова, кн. Багратіонъ, также отступалъ со 2-й арміей для соединенія съ Барклаемъ, но не вызывалъ на себя нареканій. Въ войнѣ, гдѣ шелъ вопросъ о существованіи государства, о спасеніи русскаго народа и православной вѣры отъ иностранцевъ и иновѣрцевъ, ко-

нечно, было большой ошибкой во главѣ русскихъ силъ ставить генерала нерусскаго происхожденія и лютеранина, въ то самое время, когда обращались къ „храброму потомству храбрыхъ славянъ“ и ожидали появленія новыхъ Пожарскихъ, Палицыныхъ и Мининыхъ. Къ счастью, начальникомъ штаба Баркляя былъ любимецъ войскъ, генераль Ермоловъ, а въ числѣ высшихъ командировъ представители Екатерининскихъ войскъ: Тучковъ, графъ Шуваловъ, Дохтуровъ, Остерманъ-Толстой, Коновницынъ и Уваровъ.

По отъѣздѣ императора Александра русская армія отошла къ Витебску, гдѣ авангардъ ея выдержалъ упорное сраженіе при Островнѣ, а затѣмъ по дорогѣ въ Смоленскъ, куда ожидали прибытія арміи князя Багратіона. Послѣ жестокаго сраженія при Салтановкѣ, гдѣ корпусъ генерала Раевского выдержалъ натискъ главныхъ силъ маршала Даву, Багратіонъ двинулся къ Смоленску чрезъ Мстиславль. „Единая храбрость и усердіе русскихъ войскъ, доносилъ Раевскій Багратіону, могли избавить меня отъ истребленія противъ превосходнаго непріятели и столь выгодной для него позиціи. Я—самъ свидѣтель, что многіе офицеры и нижніе чины, получа по двѣ раны и перевязавъ ихъ, возвращались въ сраженіе, какъ на пиръ. Не могу довольно выхвалить храбрость и искусство артиллеристовъ: всѣ были герои. Этотъ бой былъ первымъ боемъ моего корпуса въ походѣ. Войска одушевлены были примѣрнымъ мужествомъ и ревностію, достойною удивленія!“ Перейдя Днѣпръ, Багратіонъ послалъ атамана Платова съ донскими казачьими полками для открытія сообщеній съ Барклаемъ де Толли. 22 іюля произошло, наконецъ соединеніе 1-й и 2-й армій у Смоленска. Князь Багратіонъ, старшій въ чинѣ, добровольно подчинился Барклаю, какъ военному министру, пользовавшемуся полнымъ довѣріемъ Государя. Здѣсь на границѣ коренной Россіи, русскія войска остановились, чтобы грудью защитить дорогу на Москву.

Между тѣмъ императоръ Александръ совершилъ свое путешествіе въ Москву. Повсюду населеніе встрѣчало его

съ восторгомъ и готовностью всѣмъ жертвовать на защиту отечества. Въ Смоленскѣ дворяне вооружались сами и просили дозволенія вооружить 20.000 ратниковъ изъ своихъ крестьянъ и снабжать ихъ продовольствіемъ. Съ неменьшимъ взрывомъ патріотическаго чувства встрѣтили государя и въ Москвѣ 12 іюля. Когда императоръ Александръ вышелъ изъ дворца на Красное крыльцо, чтобы шествовать въ Успенскій соборъ, онъ былъ встрѣченъ восторженными кликами многотысячной толпы народа. „Отецъ нашъ, кричали изъ толпы, веди насъ куда хочешь, умремъ или побѣдимъ!“ Окружавшія государя лица, по свидѣтельству современника, принуждены были составить изъ себя родъ оплота, чтобы довести императора отъ Краснаго крыльца до Собора. „Всѣхъ насъ можно было уподобить судну безъ мачтъ и кормила, обуреваемому на морѣ волнами. Между тѣмъ громогласное „ура“ заглушало почти звонъ колоколовъ. Это шествіе продолжалось очень долго, и мы едва совершенно не выбились изъ силъ. Я никогда не видывалъ такого энтузіазма въ народѣ, какъ въ это время.“ 15 іюля назначено было для представленія государю дворянства и купечества. Здѣсь императоръ Александръ убѣдился въ готовности сословія защищать вѣру и отечество; по его собственнымъ словамъ, Москва превзошла его ожиданія. Въ отвѣтъ на рѣчь государя дворяне объявили ему, со слезами на глазахъ, что они назначаютъ по 10 человекъ со ста душъ крестьянъ. Купечество также доложило государю, что начатая среди него подписка дала уже нѣсколько милліоновъ рублей. Государь благодарилъ всѣхъ именемъ отечества. Въ тотъ же день онъ писалъ князю Салтыкову: „Пріѣздъ мой въ Москву имѣлъ настоящую пользу. Въ Смоленскѣ дворянство предложило мнѣ на вооруженіе 20.000 человекъ, къ чему уже тотчасъ и приступлено. Въ Москвѣ одна сія губернія даетъ мнѣ десятаго съ cadaго имѣнія, что составитъ до 80.000, кромѣ поступающихъ охотою мѣщанъ и разночинцевъ. Денегъ дворяне жертвуютъ до трехъ милліоновъ, купече-

ство же слишкомъ до десяти. Однимъ словомъ нельзя не быть тронуту до слезъ, видя духъ, оживляющій всѣхъ, и усердіе и готовность каждого содѣйствовать общей пользѣ“. Готовность русскихъ людей жертвовать на защиту отечества была такъ велика, что превышала мѣру потребности. Императоръ Александръ счелъ поэтому излишнимъ распространять всеобщее вооруженіе на всю Россію и положилъ оставить его только въ 16 губерніяхъ, ближайшихъ къ Москвѣ и Петербургу. Для вооруженія ратниковъ приказано было Тульскому оружейному заводу изготовлять ежемѣсячно до 13.000 ружей.

Уже въ это время многіе Москвичи предвидѣли возможность занятія Москвы Наполеономъ. Ту же мысль выражалъ графъ Толстой въ бесѣдѣ съ государемъ. „Зимовать въ ней нельзя, сказалъ онъ, но если Наполеонъ рѣшится остаться на зиму въ Москвѣ, что тогда ваше величество намѣрены предпринять?“—„Сдѣлать изъ Россіи вторую Испанію“, отвѣчалъ Александръ.

Не одна Москва, но и вся Россія горячо отозвалась на призывъ государя къ пожертвованіямъ. Ратниковъ ополченія собрано было болѣе 300.000 человекъ, а денегъ пожертвовано до 100 милліоновъ рублей. Кромѣ того, на пути непріятельской арміи крестьяне, купцы и помѣщики жгли свое имущество, чтобы оно не доставалось врагу, а многіе изъ нихъ, скрываясь въ лѣсахъ, вооружались, чѣмъ могли, чтобы нападать на мелкіе французскіе отряды. Короче, одно приближеніе Наполеона къ Смоленску вызвало народную войну противъ него, что дало основаніе назвать войну 1812 года Отечественной.

III.

Отъ Смоленска до Москвы.

По достовѣрнымъ извѣстіямъ участниковъ похода 1812 года, Наполеонъ, занявъ 16 іюля Витебскъ по отступленіи

арміи Баркляя де Толли, думаль приостановить наступательное свое движеніе. „Здѣсь, на берегахъ Двины, конецъ походу 1812 года; походъ 1813 года довершитъ остальное“, сказалъ онъ и, обратясь къ главному интенданту своей арміи, прибавилъ; „а вы заготовляйте намъ продовольствіе, мы не повторимъ безумія Карла XII“. Есть даже свидѣтельство, что, возражая Мюрату, Наполеонъ объявилъ, что война съ Россіей потребуеть для своего окончанія не менѣе трехъ лѣтъ. Эти слова Наполеона въ значительной степени объясняются убылью его арміи, происшедшаго отъ болѣзней, отъ недостатка продовольствія. Край, занятый французскими войсками, былъ совершенно раззоренъ; солдаты часто питались незрѣлыми растеніями, парили ихъ въ горшкахъ и ѣли безъ всякой приправы. Палящіе жары, длинные переходы, голодъ и лишенія разнаго рода произвели въ рядахъ арміи заразительныя болѣзни. Солдаты, въ поискахъ хлѣба, удалялись въ сторону отъ дороги, отставали отъ своихъ частей и, потерявъ надежду догнать ихъ, часто образовывали шайки мародеровъ (міродеровъ, какъ называли ихъ крестьяне), нещадно грабившихъ беззащитныхъ жителей и производившихъ всякаго рода насилія. Маршалъ Даву объявилъ въ Могилевѣ членамъ новоучрежденнаго правленія: „Господа, императоръ Наполеонъ требуетъ отъ васъ трехъ вещей: хлѣба, хлѣба и хлѣба!“ Отъ болѣзней и недостатковъ всякаго рода армія Наполеона уменьшилась на цѣлую треть, еще не давши русскимъ ни одного генеральнаго сраженія. Кромѣ того, дѣйствія отдѣльныхъ корпусовъ Наполеона на сѣверѣ и югѣ были весьма неудачны. Маршалъ Удино, направленный изъ Полоцка на Петербургскую дорогу, разбитъ былъ 19 іюля графомъ Витгенштейномъ при Клястицахъ, гдѣ мы потеряли въ числѣ убитыхъ славнаго кавалерійскаго генерала Кульнева, а 15-го іюля генераль Тормазовъ нанесъ страшное пораженіе саксонскому корпусу Ренье при Кобринѣ и удержалъ австрійскій корпусъ Шварценберга отъ вторженія въ Волынскую губернію. Въ Ви-

тебскѣ же Наполеонъ получилъ извѣстіе о заключеніи Россіи мира съ турками и о движеніи Дунайской арміи на помощь Торماسову. Все это, казалось, принуждало Наполеона остановиться въ Витебскѣ, привести въ порядокъ огромный край, занятый его войсками, снабдивъ ихъ продовольствіемъ, обезпечить успѣхъ корпусовъ Удино и Шварценберга и, укрѣпившись на линіяхъ Двины и Днѣпра, съ началомъ новой кампаніи, двинуться на Москву или Петербургъ.

Но двухнедѣльная остановка въ Витебскѣ показалась тяжелой Наполеону, привыкшему однимъ ударомъ рѣшать участь кампаній. Едва армія его успѣла въ теченіи этого времени оправиться, какъ Наполеонъ на собранномъ имъ военномъ совѣтѣ, вопреки мнѣнію большинства своихъ генераловъ, высказалъ свое намѣреніе продолжать наступленіе. „Императоръ Александръ, говорилъ онъ, слишкомъ могущественъ. Онъ не согласится на миръ, не испытаетъ счастья въ бою: надобно разбить его армію. Для чего останавливаться здѣсь на восемь мѣсяцевъ, когда мы можемъ въ 20 дней достигнуть цѣли? Не для овладѣнія ничтожнымъ Витебскомъ пришелъ я въ Россію. Разгромимъ русскихъ и черезъ мѣсяць будемъ въ Москвѣ. Весь планъ моего похода—въ сраженіи; вся моя политика—въ успѣхѣ“. Извѣстія о началѣ народной войны въ Россіи несомнѣнно имѣли вліяніе на его рѣшеніе. Онъ хотѣлъ раздавить русскую армію прежде, чѣмъ образуются народныя ополченія. Воззванія императора Александра къ русскому народу чрезвычайно встревожили и удивили Наполеона: онъ по свидѣтельству его секретаря, приказывалъ нѣсколько разъ прочитывать сдѣланный съ нихъ переводъ.

Но, пока французы думали еще о новомъ наступленіи, русскіе сами рѣшились воспользоваться соединеніемъ 1-й и 2-й армій для нападенія на разобщенные части французскихъ войскъ. 26 іюня 1-я и 2-я арміи двинулись разными дорогами на Рудню, по дорогѣ къ Витебску, гдѣ безопасно стоялъ корпусъ французскихъ войскъ. Уже 27 іюня атаманъ Платовъ разбилъ передовыя французскіе отряды при

Молево́мъ Болотѣ, но Барклай, получивъ ложныя извѣстія о движеніи французовъ ему во флангъ, перешель на Порѣчскую дорогу, а 2-й арміи приказаль возвратиться къ Смоленску. Здѣсь русскія войска, къ негодованію Багратіона и всей русской арміи, бесплодно простояли три дня. Лишь 1 августа Барклай вновь выступилъ со всѣми войсками къ Руднѣ, но снова остановился не доходя ея, на позиціи, въ ожиданіи нападенія Наполеона. Пока продолжались эти движенія, названныя солдатами „ошеломѣлыми“ (по селенію Шеломецъ на Витебской дорогѣ), благопріятный моментъ для нападенія былъ пропущенъ, французы успѣли сосредоточиться, и Наполеонъ, оставивъ Барклая дожидаться его на позиціи, задумаль мастерскимъ движеніемъ обойти русскую армію съ лѣваго фланга, переправиться чрезъ Днѣпръ, захватить Смоленскъ и отрѣзать, такимъ образомъ, русскія войска отъ Московской дороги. Уже 2 августа переправилась чрезъ Днѣпръ главная армія Наполеона, въ числѣ 190.000 чело-вѣкъ, и авангардъ ея подъ начальствомъ Мюрата, зятя Наполеона, быстро двинулся къ Смоленску. Къ счастью, у города Краснаго находился отрядъ генерала Невѣровскаго, оставленный княземъ Багратіономъ для прикрытія Смоленской дороги, такъ какъ Багратіонъ предвидѣлъ возможность этого движенія врага. Невѣровскій построилъ отрядъ свой въ каре, и хотя войска его состояли изъ рекрутовъ и ни разу еще не были въ огнѣ, но, окруженные тучами непріятельской кавалеріи, прицѣльнымъ огнемъ по командѣ отражали ихъ атаки, устилая землю трупами враговъ. Такимъ образомъ, отбивая яростное нападеніе Мюрата, Невѣровскій отступаль 15 верстъ, по признанію самихъ французовъ, какъ левъ. Лишь въ 6 верстахъ отъ Смоленска французы прекратили свои атаки на Невѣровскаго, въ то время какъ Багратіонъ, извѣщенный о движеніи Наполеона, послаль для защиты Смоленска корпусъ генерала Раевскаго, а за нимъ спѣшилъ и самъ со всей своей арміей. Раевскій, прибывъ въ городъ, рѣшился скорѣе погибнуть, чѣмъ допустить Наполеона отрѣзать русскую армію отъ

сообщенія съ Москвою. На разсвѣтъ 4 августа Наполеонъ атаковалъ древнія стѣны Смоленска. Раевскій защищался отчаянно. Въ разгаръ сраженія Багратіонъ прислалъ ему записку: „Другъ мой! Я не иду, а бѣгу, желалъ бы имѣть крылья, чтобы скорѣе соединиться съ тобою. Держись, Богъ тебѣ помощникъ!“ Когда приступы французскихъ войскъ были отбиты, Наполеонъ началъ громить стѣны города пушечными ядрами. Городъ загорѣлся во многихъ мѣстахъ, древнія стѣны разрушались, но русскіе не уступали непріятелю ни шагу. Лишь къ вечеру, когда атака французовъ затихла, появились части 1-й и 2-й армій, и оба главнокомандующіе благодарили войска Раевского за ихъ геройскій подвигъ. Такимъ образомъ, планъ Наполеона не удался. Вспоминая о сраженіи при Смоленскѣ, Наполеонъ говорилъ впослѣдствіи: „Я прибылъ къ Смоленску 24-мя часами прежде русской арміи. Отрядъ изъ 15.000 человекъ, нечаянно находившійся въ Смоленскѣ, имѣлъ счастье оборонять городъ цѣлый день и далъ Барклаю де Толли время подоспѣть на слѣдующія сутки съ подкрѣпленіемъ.. Если бы мы застали Смоленскъ врасплохъ, то, перейдя Днѣпръ, атаковали бы въ тылъ русскую армію, въ то время раздѣленную и шедшую въ беспорядкѣ. Такого рѣшительнаго удара совершить не удалось“.

Утромъ 5-го августа, смѣнивъ въ Смоленскѣ утомленныя войска Раевского корпусомъ неустрашимаго Дохтурова, 2-я армія поспѣшила занять московскую дорогу, двинувшись на Дорогобужъ къ Соловьевой переправѣ. Дохтуровъ, подкрѣпляемый войсками 1-й арміи, цѣлый день отбивалъ приступы французовъ. 150 французскихъ орудій громили Смоленскъ. Городъ пылалъ со всѣхъ концовъ. Среди этого ада жители спасались въ церквахъ, гдѣ пѣли молебны и совершали всенощное бдѣніе наканунѣ праздника Преображенія Господня. Въ сумерки вынесли въ лагерь 1-й арміи чудотворную икону Смоленской Божіей Матери. Лишь въ одиннадцать часовъ вечера прекратилась канонада, и непріятель отступилъ отъ стѣнъ, частью уже

разрушенныхъ. Замѣчательно, что, готовясь къ нашествію Наполеона, не сочли нужнымъ укрѣпить Смоленскъ, изстари считавшійся воротами Москвы и приступы Наполеоновыхъ войскъ выдерживали древнія его стѣны, построенныя еще Борисомъ Годуновымъ и названныя имъ дорогимъ ожерельемъ Россіи.

Ночью Барклай де Толли приказалъ Дохтурову оставить городъ, рѣшившись отступить вслѣдъ за Багратиономъ по Московской дорогѣ. Въ Смоленскѣ осталась едва тысяча жителей изъ 15, изъ 2.250 домовъ уцѣлѣло 350, и удерживать городъ не было надобности, какъ только отступление, казалось, было обезпечено. Въ дѣйствительности 1-я армія едва не была отрѣзана на Московской дорогѣ отъ второй корпусомъ Нея, но отрядъ генерала Тучкова успѣлъ сдержать его при Лубинѣ, давая время выйти на Московскую дорогу корпусамъ 1-й арміи, шедшимъ по грунтовымъ, проселочнымъ путямъ. Цѣль Тучкова, предохранившаго 1-ю армію отъ нежданнаго разгрома, была достигнута, но самъ онъ, раненый, попался въ плѣнъ къ французамъ. Наполеонъ находился во время сраженія въ Смоленскѣ и не успѣлъ принять мѣръ къ пораженію русской арміи, подкрѣпивъ атаки Нея другими своими корпусами.

Упорная оборона перваго кореннаго русскаго города, занятіе котораго обошлось Наполеону 7.000 человекъ, и дальнѣйшее отступление русской арміи по направленію къ Москвѣ, побудили Наполеона искать мирныхъ переговоровъ съ Александромъ, которые онъ такъ горделиво отвергъ въ Вильнѣ. Призвавъ къ себѣ плѣннаго генерал-маіора Тучкова, Наполеонъ, послѣ долгихъ разсужденій о томъ, что онъ не хотѣлъ войны, но его принудили къ ней сами русскіе, просилъ его черезъ брата его, корпуснаго командира Тучкова, довести до свѣдѣнія государя, что онъ ничего болѣе не желаетъ, какъ заключить миръ. „Мы уже довольно сожгли пороха и пролили крови, вѣдь когда-нибудь должны же кончить? За что мы деремса? Я не имѣю вражды противъ Россіи. О, если бы вы были англичане:

parlez-moi de cela (при этихъ словахъ онъ поднялъ вверхъ кулакъ). Но русскіе мнѣ ничего не сдѣлали. Вы хотите дешево покупать кофе и сахаръ? Очень хорошо, все можно устроить такъ, что у васъ будутъ и кофе, и сахаръ... Не лучше ли вступить въ переговоры о мирѣ до потери сраженія, чѣмъ послѣ. Да и какія послѣдствія должно имѣть для васъ проигранное сраженіе? Я займу Москву, и какія бы ни принялъ я мѣры для избавленія ея отъ раззоренія, ничто не поможетъ. Занятая непріателемъ столица похожа на женщину, потерявшую честь: что ни дѣлай послѣ, но чести возвратитъ невозможно. Знаю: у васъ говорятъ, что Россія не въ Москвѣ; то же самое твердили и австрійцы о Вѣнѣ, но когда я занялъ ее, то они заговорили иначе. И съ вами тоже случится. Столица ваша—Москва, а не Петербургъ, который—не что иное, какъ мѣсто пребыванія вашихъ монарховъ“. Отвѣта на письмо Тучкова къ брату, однако, не послѣдовало...

Увѣренность, что принудить Александра къ миру можно только занятіемъ Москвы, побудила Наполеона продолжать движеніе къ Москвѣ. „Насъ ожидаетъ миръ, говорилъ онъ: чрезъ недѣлю мы заключимъ его. Бывши такъ близко къ цѣли, не о чемъ размышлять. Пойдемъ въ Москву“!

Но на встрѣчу Наполеону шли не мирныя предложенія, а воинственные клики русскаго народа, вооружавшагося за свою родину. Началась народная война. На пути Наполеона, слѣдовавшаго за отступавшей русской арміей, крестьяне сжигали свои села и деревни, уничтожали свое имущество, а сами уходили въ лѣса и дальнія деревни. Небольшіе отряды французскихъ войскъ, удалявшіеся вправо или влѣво отъ большой дороги для поисковъ фуража и продовольствія, подвергались нападенію крестьянъ, вооруженныхъ чѣмъ попало: дубинами, вилами, топорами, среди нихъ встрѣчались даже женщины. При переходѣ въ коренную Россію французы лишились возможности имѣть даже

шпіоновъ, которыхъ въ западномъ краѣ они имѣли среди евреевъ и поляковъ, и, не зная русскаго языка, не могли собирать никакихъ свѣдѣній. Въ довершеніе неудачъ французовъ, казаки не давали имъ покоя и при отступленіи уничтожали мосты и гати, по которымъ проходила русская армія. Наполеонъ и его армія жаждали рѣшительной битвы съ русскими. Москва казалась имъ маякомъ въ безбрежномъ русскомъ морѣ: въ ней надѣялись они найти миръ и конецъ всѣмъ своимъ лишеніямъ.

И въ русской арміи также ждали рѣшительной битвы, безъ которой, по общему чувству, нельзя было допустить враговъ къ древней столицѣ. Въ необходимость отступленія никто не хотѣлъ вѣрить, и въ немъ обвиняли одного Барклая. Въ числѣ недовольныхъ былъ и братъ государя, цесаревичъ Константинъ, и генераль Беннигсенъ; ихъ обоихъ Барклай счелъ нужнымъ удалить изъ арміи. Но ропотъ войскъ не унимался: послѣ взятія Смоленска они перестали даже отвѣчать на привѣтствія главнокомандующаго. Но въ Петербургѣ уже взвѣсили опасность, которая могла произойти отъ недовѣрія войскъ къ своему вождю, и сознали необходимость поставить во главѣ всѣхъ армій полководца, пользующагося народнымъ довѣріемъ. Выборъ его императоръ поручилъ комитету изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ. Комитетъ единогласно, 5 августа, въ день сраженія при Смоленскѣ, избралъ главнокомандующимъ всѣхъ армій князя Михаила Илларионовича Кутузова, бывшаго сподвижникомъ Суворова при взятіи Измаила, уже сражавшагося съ Наполеономъ въ кампанію 1805 года и только что славно закончившаго войну съ Турціей. Государь не любилъ Кутузова по воспоминаніямъ объ Аустерлицкомъ пораженіи, гдѣ онъ недостаточно настойчиво, по его мнѣнію, противился мысли о необходимости немедленно вступить въ бой съ Наполеономъ, а затѣмъ снялъ съ себя всякую отвѣтственность за печальный исходъ боя. Между тѣмъ, вѣра въ патріотизмъ и военныя доблести Кутузова были такъ велики, что дворянство и въ Москвѣ

и въ Петербургѣ избрали его въ начальники ополченія. Императоръ Александръ лишь 8 августа утвердилъ Кутузова въ званіи главнокомандующаго, но писалъ сестрѣ, что сдѣлалъ это лишь въ угоду общему мнѣнію и что въ этомъ назначеніи заранѣе умываетъ себѣ руки.

11 августа, отправляясь въ армію, Кутузовъ молился въ Казанскомъ соборѣ, стоя на колѣняхъ. Протоіерей благословилъ его иконой Божіей Матери, въ маломъ медальонѣ, которую Кутузовъ тутъ же возложилъ на себя. Уѣзжая изъ собора, онъ сказалъ священникамъ: „Молитесь обо мнѣ, меня посылаютъ на великое дѣло“. По дорогѣ къ арміи народъ встрѣчалъ его хлѣбомъ—солью, духовенство—съ крестомъ и иконами; иногда даже отпрягали лошадей отъ его экипажа и везли его на себѣ. Всѣ увѣрены были, что тонкій умъ Кутузова поможетъ ему справиться съ великимъ завоевателемъ. Наполеонъ, узнавъ о назначеніи Кутузова, назвалъ его „старой лисицей“, помня его знаменитое отступленіе въ кампанію 1805 года. Армію Кутузовъ засталъ въ Царево-Займищѣ, гдѣ Барклай расположилъ ее на позиціи въ ожиданіи сраженія съ Наполеономъ. Войска встрѣтили его съ восторгомъ. „Пріѣхалъ Кутузовъ битъ французъ“, говорили солдаты. Всюду передавали слова его, сказанныя при осмотрѣ почетнаго караула: „ну, какъ можно отступать съ такими молодцами!“ Осматривая войска и замѣтивъ, что солдаты начали чиститься и строиться, Кутузовъ сказалъ имъ: не надо, ничего этого не надо. Я пріѣхалъ только посмотреть, здоровы ли мои дѣти. Солдату въ походѣ не о щегольствѣ думать: ему надо отдыхать послѣ трудовъ и готовиться къ побѣдѣ“. „Вотъ пріѣхалъ нашъ батюшка, говорили солдаты, онъ всѣ наши нужды знаетъ. Какъ не драться при немъ! На его глазахъ всѣ до одного рады головы положить“. Кутузовъ, соблюдая завѣты своего учителя Суворова, былъ близокъ къ солдату, умѣлъ говорить съ нимъ, въ противоположность Барклаю, и солдаты радовались, когда замѣчали издали фигуру старого

главнокомандующаго, ѣдущаго верхомъ, въ сюртукъ безъ эполетъ, въ бѣлой фуражкѣ, съ шарфомъ черезъ одно плечо и съ нагайкой черезъ другое.

Кутузовъ нашель позицію при Царево-Займищѣ неудобною и приказаль отступить къ селу Бородину, въ 10 верстахъ отъ Можайска. Едва ли онъ надѣялся остановить стремленіе завоевателя къ Москвѣ, въ виду явнаго численнаго превосходства его арміи, но онъ чувствовалъ невозможность отдать Москву безъ боя: его требовала армія и вся Россія. 23 августа русская армія пришла на Бородинскую позицію и расположилась на пятиверстномъ пространствѣ отъ селенія Утицы на старой Московской дорогѣ до села Беззубова. Въ центрѣ позиціи было село Бородино, а позади его, за рѣкой Колочей, находился высокій холмъ, наскоро укрѣпленный и названный курганомъ Раевского. Невдалекѣ отъ него, въ деревнѣ Горкахъ, поставлены были батареи. Отъ Бородина до Беззубова расположенъ былъ правый флангъ русской арміи; лѣвый, прикрытый теченіемъ рѣки Колочи, редутами у села Семеновскаго тянулся до самой Утицы. 24 августа Наполеонъ подошелъ къ нашей позиціи, занялъ Шевардинскій редутъ находившійся впереди нашего лѣваго фланга и остановился, видя готовность русскихъ принять бой. Въ успѣхѣ его Наполеонъ не сомнѣвался: у него было до 170.000, а у Кутузова—всего 113.000 человекъ, считая въ томъ числѣ 15.000 рекрутовъ и свыше 10.000 только что прибывшаго къ арміи Московскаго ополченія.

День 25 августа прошелъ у обѣихъ сторонъ въ приготовленіяхъ къ битвѣ. Подобно своему вождю, французы радовались предстоящему сраженію, послѣдствіемъ котораго, по ихъ мнѣнію,—занятіе Москвы, заключеніе мира и конецъ всѣмъ тягостямъ и лишеніямъ похода. Увѣренные въ побѣдѣ, французы провели день шумно и весело. Въ русскомъ лагерѣ готовились къ бою молчаливо, сосредоточенно. Готовились къ бою, какъ къ суду Божію, зная, что предстоитъ или умереть, или спасти отечество. Многіе

отказывались отъ своей чарки водки, говоря: „не къ тому готовимся, не такой завтра день“. На случай смерти солдаты надѣли бѣлыя рубашки. Кутузовъ велѣлъ пронести по рядамъ арміи икону Смоленской Божіей Матери. Сто тысячъ человѣкъ падало предъ ней на колѣни, повторяя слова священной пѣсни: „Заступница усердная“ и „Взбранной Воеводе побѣдительная“... Спѣшно заканчивали работы по укрѣпленію редутовъ и батарей.

На разсвѣтъ 26 августа Наполеонъ вышелъ изъ палатки и, видя восходящее солнце, воскликнулъ: „вотъ солнце Аустерлица!“ Вслѣдъ затѣмъ французской арміи прочитано было слѣдующее воззваніе Наполеона: „Настало желанное вами сраженіе! Побѣда зависитъ отъ васъ; она намъ нужна и доставитъ изобиліе, спокойныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ, Смоленскѣ, и самое позднее потомство съ гордостью будетъ говорить о подвигахъ вашихъ; да скажутъ о васъ: и онъ былъ въ великой битвѣ подъ стѣнами Москвы!“ Князь Кутузовъ не сдѣлалъ никакого воззванія къ войскамъ: русскіе отчетливо сознавали важность минуты, предъ величіемъ которой должно было умолкнуть всякое краснорѣчіе.

Трудно описать подробности Бородинскаго боя. На небольшомъ сравнительно пространствѣ упорно, съ ожесточеніемъ, бились съ раняго утра до вечера болѣе 200 тысячъ человѣкъ, и болѣе 1.000 орудій извергали картечь и ядра на сражающихся. Это была величайшая изъ битвъ, бывшихъ со времени изобрѣтенія пороха. Наполеонъ самъ говорилъ впослѣдствіи: „Изъ всѣхъ моихъ сраженій самое ужасное то, которое далъ я нодъ Москвою. Французы въ немъ показали себя достойными одержать побѣду, а русскіе стяжали право быть непобѣдимыми“.

Большую часть своихъ войскъ Наполеонъ сосредоточилъ противъ нашего лѣваго фланга, которымъ командовалъ князь Багратионъ. Главная атака произведена была

на фланги у села Семеновскаго. Но ни губительный огонь, ни жестокія нападенія непріятельскихъ густыхъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ колоннъ, смѣнявшихъ другъ друга и предводимыхъ лучшими полководцами Наполеона: Неемъ, Даву, Мюратомъ и Жюно, не могли поколебать стойкости русскихъ воиновъ. Въ пылу сраженія дивизія графа Воронцова была почти вся уничтожена: неся страшныя потери, русскіе смыкали свои ряды и умирали, не трогаясь съ мѣста. Наполеонъ приказалъ тогда сосредоточить противъ войскъ Багратіона до 400 орудій и открыть по нимъ огонь на самомъ близкомъ разстояніи; вслѣдъ затѣмъ двинулъ на нихъ новыя колонны своихъ войскъ. Но русскіе ударили на нихъ въ штыки, и начался страшный рукопашный бой, въ которомъ перемѣшались русскіе и французы. Въ этотъ моментъ смертельно раненъ былъ и князь Багратіонъ. Тогда русскія войска отошли, занявъ позицію у самаго села Семеновскаго, и здѣсь уже ни шагу не уступали французамъ. На смѣну Багратіону, Кутузовъ прислалъ Дохтурова, который хлоднокровно распорядился боемъ, сидя на барабанѣ, подъ непріятельскими ядрами.

Упорный бой происходилъ въ то же время и у кургана Раевского, противъ котораго направленъ былъ корпусъ пасынка Наполеона, Евгенія Богарне, вице-короля итальянскаго. Огнемъ непріятельской артиллеріи были перебиты почти всѣ немногочисленные защитники кургана, отразившіе сначала нѣсколько непріятельскихъ атакъ. Генераль Ермоловъ успѣлъ вновь занять курганъ послѣ жаркаго боя. Лишь къ вечеру французы овладѣли курганомъ, но затѣмъ сами предпочли его очистить въ ожиданіи новой русской атаки.

Князь Кутузовъ во время сраженія находился на батарее въ деревнѣ Горкахъ, тщательно слѣдя за ходомъ боя. Когда яростныя нападенія французовъ на наше лѣвое крыло угрожали войскамъ Багратіона совершеннымъ истребленіемъ, Кутузовъ приказалъ атаману Платову съ казачьими полками и генералу Уварову, находившимся на нашемъ

правомъ флангъ у деревни Беззубово перейти рѣчку Войну и напасть на лѣвое крыло французовъ. Это внезапное движеніе имѣло полный успѣхъ; въ пылу атаки казаки зашли даже въ тылъ французовъ и произвели тамъ смятеніе. Наполеонъ вынужденъ былъ остановить войска, шедшія къ Семеновскому, и тѣмъ далъ время Кутузову подкрѣпить наше лѣвое крыло. Въ то же время генераль Тучковъ успѣшно дѣйствовалъ у Утицы противъ войска Понятовскаго, которому Наполеонъ приказалъ обойти наше лѣвое крыло. Въ этотъ день, какъ говорили, трусу не было мѣста. Офицеры и солдаты обнаружили храбрость и презрѣніе къ смерти необыкновенныя. Необычайное мужество проявилъ также Барклай-де-Толли, видимо искавшій смерти. Здѣсь онъ вновь пріобрѣлъ довѣріе солдатъ, которые не разъ кричали ему „ура!“.

Кровопролитная битва закончилась лишь въ шесть часовъ вечера полнымъ изнуреніемъ обѣихъ сторонъ, а къ ночи непріятель отступилъ на прежнюю свою позицію. Русскіе считали, что они одержали побѣду, отбивъ нападенія врага, превосходнаго въ силахъ, а французы, испытавъ всѣ ужасы боя, по словамъ очевидца, оставались въ оцѣпенѣніи. Обѣ стороны испытали огромныя потери: болѣе 100.000 труповъ покрывали поле сраженія. Здѣсь, по выраженію Ермолова, французская армія расшиблась о русскую. Кутузовъ такъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ боя, что по окончаніи его объявилъ войскамъ о своемъ намѣреніи на другой день атаковать Наполеона. Но когда поступили къ нему донесенія объ огромныхъ потеряхъ арміи, лишившейся свыше 50.000 человекъ убитыми и ранеными, т. е. почти половины своего состава, Кутузовъ рѣшился отступить. Наполеонъ до 11 часовъ утра 27 августа ждалъ нападенія Кутузова, но русская армія, переночевавъ на полѣ сраженія, стала затѣмъ тихо отступать къ Можайску. Тогда только Наполеонъ провозгласилъ о своей побѣдѣ, но не осмѣлился преслѣдовать русскихъ.

Москва еще надѣялась избавиться отъ нашествія На-

полеона. Главнoкомандующій Москвѣ, графъ Растопчинъ, человекъ энергическій и любившій отечество, съ самаго начала войны поддерживалъ патріотическій духъ населенія, а со времени взятія Смоленска выпускалъ летучіе листки, такъ называемыя афиши, въ которыхъ призывалъ народъ къ оружію для защиты отечества, возбуждалъ презрѣніе къ врагу и увѣрялъ, что его не допустятъ до Москвѣ. Главною цѣлью Растопчина было поддержать въ Москвѣ спокойствіе и порядокъ. Всѣхъ иностранцевъ, которыхъ можно было заподозрить въ шпіонствѣ, онъ выслалъ изъ Москвѣ. Той же участи подвергся даже московскій почтъ-директоръ Ключаревъ, извѣстный масонъ, навлекшій на себя обвиненіе въ желаніи возбудить въ Москвѣ безпорядки. Тогда же арестованъ былъ Растопчинымъ купеческій сынъ Верещагинъ за переводъ изъ иностранныхъ газетъ извѣстій о Наполеонѣ. Порывистыя, произвольныя, нѣ всегда обдуманныя дѣйствія Растопчина далеко не всѣмъ нравились и часто не достигали своей цѣли; даже его афишки возбуждали во многихъ неудовольствіе своею приторною поддѣлкою подъ народный языкъ и тѣмъ, что поддерживали возбужденіе московскаго населенія. Огромное большинство московскаго дворянства, хорошо знакомаго съ ходомъ событій, не принимало за чистую монету завѣреній Растопчина о безопасности Москвѣ и уже послѣ сраженія при Смоленскѣ потянулось на югъ и востокъ Россіи, подальше отъ Москвѣ, или отправило туда свои семейства. Въ Апрѣлѣ бывали дни, когда на одной какой либо заставѣ записывали до 2.000 выѣзжавшихъ экипажей. Но далеко не всѣ были такъ предусмотрительны. Самъ Растопчинъ писалъ государю, что онъ начнетъ укладывать и вывозить казенное имущество лишь тогда, когда непріятель дойдетъ до Вязьмы. По распоряженію Императрицы Маріи Ѳеодоровны, прежде всего приняты были мѣры къ удаленію изъ Москвѣ заведеній, находившихся подъ ея покровительствомъ, затѣмъ начали вывозить присутственные мѣста и казенные запасы. Но Растопчинъ не успѣлъ

вывезти всего, и многое сдѣлалось добычей непріятеля или пламени Московскаго пожара. Не хватало уже подводъ для вывоза казеннаго и частнаго имущества, и даже богатые дворяне помѣщики оказались не въ состояніи спасти цѣнную свою движимость, даже библіотеки и картинныя галереи: для одного казеннаго имущества собрано было 63.000 подводъ, что, конечно, оказалось недостаточно. Не успѣли вывезти изъ Москвы даже всѣхъ святынь ея, находившихся въ Кремлѣ, церквахъ и монастыряхъ московскихъ. Уже Кутузовъ приближался къ Москвѣ, когда РаSTOPчинъ, думая, что русская армія не оставитъ ея безъ боя, приказалъ раздавать народу по дешевой цѣнѣ оружіе изъ арсенала и созывалъ московскихъ жителей на Три Горы, чтобы сразиться съ врагомъ и не пустить его въ Москву; туда же долженъ былъ явиться и преосвященный Августинъ съ крестнымъ ходомъ, чтобы благословить народъ на этотъ подвигъ. Говорили, что РаSTOPчинъ обѣщалъ скорѣе сжечь Москву, чѣмъ отдать ее непріятелю.

Кутузовъ дѣйствительно писалъ РаSTOPчину, что готовится дать новое сраженіе подъ стѣнами Москвы но едва ли могъ придавать серьезное значеніе для военныхъ дѣйствій толпамъ московскихъ жителей, собиравшихся по зову РаSTOPчина. Зная его издавна, Кутузовъ боялся какого-либо необдуманнаго поступка съ его стороны, который могъ бы вредно отразиться на положеніи арміи, имъ предводительствуемой: для него важно было, напр., обезпечить арміи свободное отступленіе чрезъ Москву, и, разумѣется, несвоевременные пожары въ ней могли затруднить его въ виду непріятеля.

Но РаSTOPчинъ былъ глубоко правъ, донося государю, что населеніе Москвы проникнуто глубокою любовью къ Царю и Отечеству и готово на всевозможныя жертвы. „Да будетъ слово „миръ“ далеко отъ Вашего Величества, писалъ онъ. Русскіе воспріимутъ свое мѣсто во вселенной, и вы восторжествуете надъ вашимъ врагомъ. Можетъ быть, это сбудется скоро. Ваши подданные проливаютъ кровь и не скорбятъ“.

Когда РаSTOPчинъ писалъ эти строки, русская армія приближалась уже къ Москвѣ. 1 сентября Кутузовъ остановился у Поклонной горы и разсуждалъ съ окружающими о невыгодахъ позиціи, въ которой предполагалъ онъ дать Наполеону битву подъ Москвою. Въ пятомъ часу приказалъ собрать въ занятой имъ избѣ, въ деревнѣ Филяхъ военный совѣтъ, на который приглашены были Барклай де Толли, Беннигсенъ, Дохтуровъ, Уваровъ, графъ Остерманъ-Толстой, Раевскій, Коновницынъ, Ермоловъ, Кайсаровъ и Толь. Большинство соглашались съ мнѣніемъ Беннигсена, что слѣдуетъ дать битву подъ стѣнами Москвы, тогда какъ другіе примкнули къ мнѣнію Барклая, что для спасенія отечества прежде всего нужно сохранить армію. Выслушавъ мнѣнія собравшихся генераловъ, Кутузовъ закончилъ совѣщаніе словами: „Съ потерей Москвы не потеряна Россія. Первою обязанностію поставляю сохранить армію и сблизиться съ войсками, идущими къ намъ на подкрѣпленіе. Самымъ отступленіемъ Москвы мы приготовимъ гибель неприятелю. Изъ Москвы я намѣренъ идти по Рязанской дорогѣ. Знаю, отвѣтственность обрушится на меня, но жертвую собою для блага отечества“. Затѣмъ, вставъ со стула, Кутузовъ прибавилъ: „Приказываю отступать“. Генералы разошлись въ тягостномъ молчаніи.

Конечно, одинъ Кутузовъ, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ войскъ, могъ принять на себя это рѣшеніе и заставить всѣхъ безропотно себѣ повиноваться. Никто не сомнѣвался, что для Кутузова участь Москвы была также дорога, какъ и всякому русскому. И дѣйствительно, Кутузовъ, отдавъ приказаніе объ отступленіи арміи, всю ночь не спалъ и нѣсколько разъ плакалъ. Но когда полковникъ Шнейдеръ, бывший съ Кутузовымъ въ эту ночь, спросилъ его наконецъ: „Гдѣ же мы остановимся?“—Кутузовъ, ударивъ по столу, отвѣчалъ: „Это мое дѣло; но ужъ доведу я французовъ, какъ въ прошломъ году турокъ, что они будутъ ѣсть лошадиное мясо“.

Тотчасъ послѣ военнаго совѣта, Кутузовъ увѣдомилъ

Растопчина о своемъ рѣшеніи, сдѣлавъ распоряженіе объ удаленіи изъ Москвы раненыхъ и больныхъ солдатъ на заранѣе приготовленныхъ 5.000 подводахъ. Тогда же выѣхалъ изъ Москвы и преосвященный Августинъ, сопровождая двѣ чудотворныя иконы и захвативъ на 14 подводахъ часть церковнаго имущества. Огромное большинство святынь и церковныхъ сокровищъ осталось въ Москвѣ. Вслѣдъ затѣмъ вывезенъ былъ изъ Москвы пожарный обозъ.

Жители Москвы узнали объ отступленіи арміи лишь утромъ 2 сентября, когда авангардъ ея вошелъ въ Дорогомиловскую заставу; въ отдаленныхъ же частяхъ города узнали объ этомъ уже тогда, когда Москва занята была непріателемъ. За арміей потянулись тогда и всѣ жители Москвы, имѣвшіе возможность оставить городъ. „Солдаты, говоритъ очевидецъ, шли уныло въ рядахъ, генералы и офицеры—по своимъ мѣстамъ... Мы прошли за Кремль, внутрь города, и всюду видѣли горе, плачь и отчаяніе. Офицеры стали сходиться для бесѣды о предстоящемъ, которое для всѣхъ было чрезвычайно непонятно; тутъ и рядовые, подъ предлогомъ напиться ускользали въ ближайшіе лавочки, дома и погреба, открытые какъ будто для угощенія проходящихъ: тамъ-то они прощались съ матушкой-Москвой. Предъ заставой мы вышли на большую широкую улицу, заставленную въ нѣсколько рядовъ обозами; коляски, брички, телѣги ѣхали вмѣстѣ съ артиллеріей по обѣ стороны... Тутъ представлялась странная смѣсь всякаго званія людей и экипажей. Повозки были наполнены сундуками, узлами и перинами, на которыхъ сидѣли служанки, а лакеи сзади повозокъ вели лошадей и борзыхъ собакъ. Казалось, всякій второпяхъ забиралъ только одни любимые предметы для спасенія изъ города“.

За Рязанской заставой, у большой дороги, молча сидѣлъ Кутузовъ, наблюдая за движеніемъ арміи. Увидѣвъ это беспорядочное движеніе войскъ и жителей, и боясь, что французы могутъ ворваться въ городъ и смять арріер-

гардъ, онъ послалъ командовавшему имъ генералу Милорадовичу приказаніе, сколько возможно удерживать непріятеля и условиться съ нимъ, чтобы имѣть время свободно вывезти изъ города тяжести. Тогда Милорадовичъ потребовалъ отъ французовъ, чтобы пріостановили военныя дѣйствія до слѣдующаго утра, угрожая, въ противномъ случаѣ, драться въ Москвѣ и оставить имъ однѣ развалины. Наполеонъ поспѣшилъ согласиться на это, довольный, что наконецъ-то Москва попала въ его руки. Такимъ образомъ, еще многіе жители Москвы успѣли изъ нея выбраться, бросивъ все свое имущество. Купцы, стоя у лавокъ своихъ, просили проходившихъ солдатъ брать товаръ. „Пусть достанется лучше своимъ, говорили они, чѣмъ непріятелю“.

По словамъ современниковъ, Растопчинъ боялся въ Москвѣ мятежа, но нельзя видѣть, чтобы опасенія его были справедливы. Напротивъ, онъ самъ способствовалъ возбужденію народа, приглашая его розыскивать не существовавшихъ среди его измѣнниковъ и роздавъ ему 1 сентября бесплатно оружіе, остававшееся еще въ арсеналѣ, для встрѣчи непріятеля на Трехъ Горахъ. Народныя толпы дѣйствительно собрались тамъ въ назначенное Растопчинымъ время, но онъ туда не явился, узнавъ о рѣшеніи Кутузова покинуть Москву, а народъ, прождавъ его долгое время, мирно разошелся. Но утромъ 2 сентября къ дому Растопчина на Лубянкѣ собрались огромныя толпы народа узнать отъ него объ участи Москвы. Растопчинъ, уже совершенно готовый къ отъѣзду, вышелъ къ нимъ на крыльцо въ сопровожденіи двухъ арестантовъ: купческаго сына Верещагина и француза Мутона. На крики народа: „На Три Горы“ Растопчинъ сказалъ: „Подождите, братцы, мнѣ надобно еще управиться съ измѣнниками“ и, указывая на Верещагина, прибавилъ: „Вотъ измѣнникъ! отъ него погибаетъ Москва!“ Не успѣлъ поблѣднѣвшій Верещагинъ сказать: „Грѣхъ вашему сіятельству будетъ“, какъ ординарецъ Растопчина, по его приказанію, нанесъ

Верещагину первый ударъ саблей въ голову. Несчастный Верещагинъ упалъ, обливаясь кровью. Народъ бросился на него, билъ и терзалъ его тѣло и наконецъ повлекъ его трупъ по московскимъ улицамъ. Между тѣмъ, Растопчинъ сказалъ, обращаясь къ Мутону: „Тебѣ я оставляю жизнь. Поди къ своимъ и скажи, что этотъ несчастный былъ единственный изъ русскихъ измѣнникъ своему отечеству“. Мутонъ бросился бѣжать, а Растопчинъ спокойно выѣхалъ со двора, направляясь къ Рязанской заставѣ.

Этотъ „единственный измѣнникъ“, котораго Растопчинъ предалъ на растерзаніе толпы, былъ совершенно чистъ отъ этого преступленія. Императоръ Александръ обратилъ впослѣдствіи свое вниманіе на это дѣло, и Растопчинъ не могъ представить для себя основательныхъ оправданій. Кровь Верещагина осталась чернымъ пятномъ на его памяти, свидѣтельствуя въ то же время о томъ, что въ годину вражескаго нашествія въ Москвѣ не было и не могло быть измѣны.

Уже выѣхавъ за заставу, Растопчинъ услышалъ три пушечныхъ выстрѣла, которые сдѣлали вступившіе въ Москву французы, чтобы разогнать собравшія тамъ народныя толпы...

IV.

Москва и Тарутино.

Велика была радость Наполеона и его арміи, когда они 2 сентября съ Поклонной горы увидѣли предъ собою древнюю столицу Россіи, сіяющую куполами безчисленныхъ своихъ церквей. „Тысячами различныхъ цвѣтовъ блисталъ этотъ огромный городъ, говоритъ одинъ очевидецъ-французъ. При этомъ зрѣлищѣ войсками овладѣлъ восторгъ; они остановились и закричали: „Москва, Москва!“ Затѣмъ

всѣ прибавили шагу, смѣшались въ безпорядкѣ, рукоплескали, снова повторяя въ восторгѣ: „Москва, Москва“. Такъ кричатъ моряки: „земля, земля!“ послѣ долгаго и мучительнаго плаванія. При видѣ этого позлащеннаго города, этого блестящаго узла, соединяющаго Европу и Азію, этого величественнаго средоточія, гдѣ соединялась роскошь, нравы и искусство двухъ лучшихъ частей свѣта, они остановились въ гордомъ созерцаніи. Насталъ, наконецъ день славы; въ нашихъ воспоминаніяхъ онъ долженъ былъ сдѣлаться лучшимъ, блестящимъ днемъ нашей жизни... Въ это время забыты были всѣ опасности и страданія“. Занятіе Москвы, казалось французамъ, должно было повлечь за собою заключеніе мира, теплыя, спокойныя квартиры и обильное продовольствіе. Даже тѣ изъ маршаловъ Наполеона, которые порицали движеніе его на Москву и совѣтовали ему остановиться въ Витебскѣ или Смоленскѣ, снова стали вѣрить въ геній Наполеона и мудрость его соображеній. Всѣ были увѣрены, что для спасенія Москвы русскіе вынуждены будутъ согласиться на миръ, предписанный завоевателемъ.

Но развѣзды, посланные въ Москву, скоро донесли Наполеону, что она почти оставлена жителями. Напрасно ждалъ онъ депутаціи отъ города, которая молила бы его о пощадѣ. Не рѣшившись въ тотъ же день вѣхаться въ Москву, уже занятую его войсками, Наполеонъ ночевалъ въ одномъ изъ домовъ Дорогомиловскаго предмѣстья и лишь на другой день поселился въ Кремлѣ, помѣстивъ тамъ и часть старой своей гвардіи. Первой его заботой было сохраненіе порядка въ Москвѣ, но голодныя французскія войска уже начали грабежъ города. Они врывались въ пустые и жилые дома, требовали себѣ напитковъ и пищи; забирали съ собой или уничтожали дорогія вещи и дѣлали всякія насилія. Московскіе помѣщичьи дома, казалось, еще не были оставлены своими хозяевами, которые едва успѣли спастись сами: не только сохранилась вся домашняя обстановка, но и кладовыя и погреба наполнены были запасами разнаго рода, всякими предметами домаш-

няго обихода и дорогими винами. При многихъ домахъ осталась прислуга бѣжавшихъ хозяевъ, считавшая своею обязанностію оберегать барское добро отъ пришельцевъ.

Но въ тотъ же день въ городѣ начались пожары. Загорѣлся, прежде всего, Гостинный дворъ, въ Китаѣ городѣ, въ которомъ хозяйничали французскіе солдаты. Одни тащили на плечахъ тюки суконъ и различныхъ матерій, другіе катили предъ собою головы сахару и другіе предметы. Вся площадь и сосѣднія улицы усѣяны были товарами, которые брошены были солдатами. Между тѣмъ, громадное зданіе Гостиннаго Двора походило на исполинскую печь, изъ которой вырывались густые клубы дыма и языки пламени. „При этомъ зрѣлищѣ, рассказываетъ очевидецъ, не было слышно ни восклицаній, ни шума; каждый находилъ возможность съ избыткомъ удовлетворить своей алчности. Слышался только трескъ отъ огня, стукъ разбиваемыхъ у лавокъ дверей и иногда страшный шумъ отъ рушившихся сводовъ. Всевозможныя ткани Европы и Азіи пожирало пламя. Изъ погребовъ, изъ подземныхъ складовъ сахара, масла и др. смолистыхъ и спиртовыхъ товаровъ, вырывались потоки пламени съ густымъ дымомъ“. Загорѣлось потомъ въ различныхъ мѣстахъ и Замоскворѣчье, которое подожжено было въ виду французовъ казаками, запылали казенные хлѣбные магазины, расположенные на берегу Москвы-рѣки, и взлетѣлъ на воздухъ находившійся тамъ складъ артиллерійскихъ снарядовъ. Ни французы, ни русскіе не думали о тушеніи пламени, показавшагося вскорѣ въ различныхъ частяхъ города. Тушили французы лишь пожары у Кремля, гдѣ въ царскомъ дворцѣ расположился Наполеонъ на житье, но и тамъ не могли справиться съ пламенемъ.

Ночью съ 3 на 4 сентября сильный порывистый вѣтеръ разнесъ пламя по всей Москвѣ. „Море огня разлилось по всѣмъ частямъ города. Пламя, волнуемое вѣтромъ, совершенно походило на морскія волны, воздвигаемая бурей. Къ дѣятельности поджигателей присоединилось и божественное мщеніе: до такой степени пожаръ этотъ казался

сверхъ-естественнымъ“. Опасность угрожала и Кремлю, гдѣ находилось много артиллерійскихъ снарядовъ. Поставленные на крышѣ дворца солдаты едва успѣвали тушить искры и головни, сыпавшіяся туда со всѣхъ сторонъ, и Наполеонъ рѣшилъ тогда оставить Кремль и искать спасенія въ загородномъ Петровскомъ дворцѣ. На пути туда онъ съ окружавшей его свитой едва не погибъ среди огненного моря, въ лабиринтѣ московскихъ улицъ и переулковъ, откуда его вывели лишь грабившіе тамъ солдаты, на которыхъ онъ случайно наткнулся. Среди этого ада грабежъ Москвы продолжался: французы хотѣли вырвать у пламени хотя часть доставшейся имъ добычи. „Москва не существуетъ, говорилъ самъ Наполеонъ, пропала награда, которую я обѣщаль моимъ храбрымъ войскамъ“. Обвиняя въ пожарѣ Москвы графа Растопчина, оставившаго будто бы въ Москвѣ поджигателей, Наполеонъ приказалъ разстрѣливать всѣхъ русскихъ, попавшихся въ руки французовъ и заподозрѣнныхъ въ поджогахъ.

На вопросъ: кто жегъ Москву? не можетъ быть опредѣленнаго отвѣта. Главною причиной пожара Москвы была, конечно, рѣшимость многихъ жителей Москвы, которые, подобно крестьянамъ Смоленской и Московской губерній, предпочли сжечь свои и чужіе дома и имущество, чѣмъ предать ихъ въ руки врага. Къ этому присоединились распоряженія графа Растопчина о поджогѣ запасовъ, оставшихся въ Москвѣ; поджоги, сдѣланные казаками на Замоскворѣчьи, и небрежность огня самихъ французовъ. Остальное довершилъ сильный вѣтеръ, поднявшійся надъ горѣвшимъ деревяннымъ городомъ, и отсутствіе всякихъ средствъ къ тушенію пожара.

„Какое ужасное зрѣлище!“ говорилъ Наполеонъ, смотря на пылающую Москву: „это сами русскіе поджигаютъ Москву. Сколько прекрасныхъ зданій! Какая необычайная рѣшимость! Что за люди: это скифы!“ Въ Петровскомъ дворцѣ Наполеонъ имѣлъ время обдумать свое положеніе: онъ понялъ, что сожженная Москва уже не могла служить

для него залогомъ мира и, не ожидая уже мирныхъ предложеній отъ императора Александра, рѣшился первый завязать съ нимъ сношенія. 8 сентября, возвратившись въ Москву, онъ позвалъ къ себѣ отставного гвардіи капитана Яковлева, захваченнаго въ Москвѣ, и поручилъ ему доставить письмо въ Петербургъ на имя императора. Въ письмѣ этомъ онъ обвинялъ Растопчина въ сожженіи Москвы и утверждалъ, что, увозя изъ Москвы пожарныя трубы, Растопчинъ оставилъ въ ней 150 полевыхъ орудій, 70.000 новыхъ ружей, 1.600.000 патроновъ и множество пороха, селитры, сѣры и прочаго. „Безъ озлобленія веду я войну съ вашимъ величествомъ“,—такъ заключилъ онъ свое письмо. „Если бы до послѣдняго сраженія или вскорѣ послѣ него Вы написали бы мнѣ записку, я остановилъ бы армію и охотно пожертвовалъ бы выгодною вступить въ Москву. Если ваше величество хотя отчасти сохраняете ко мнѣ прежнее расположеніе, то благосклонно прочтите мое письмо. Во всякомъ случаѣ Вы будете мнѣ благодарны, что я извѣстилъ ваше величество о происходящемъ въ Москвѣ“. Тогда же призвалъ онъ къ себѣ начальника Воспитательнаго дома Тутолмина и просилъ его донести императору о московскомъ пожарѣ, прибавивъ: „отъ самаго Смоленска я ничего не находилъ, кромѣ пепла“. Народная война грознымъ призракомъ стояла предъ Наполеономъ, и, зайдя въ сердце Россіи, онъ почувствовалъ ничтожество своихъ силъ предъ нею.

Дѣйствительно, занятіе Москвы французами вынудило во всемъ русскомъ народѣ не желаніе заключить миръ съ Наполеономъ, а жажду отомстить ему и изгнать его изъ Россіи. „Война теперь только начинается“, говорилъ Кутузовъ, и этимъ онъ только выражалъ чувства всѣхъ русскихъ отъ Царя до послѣдняго крестьянина. Правда, мысль, что Наполеонъ—въ Москвѣ и что древняя русская столица покрыта пепломъ пожара, произвела гнетущее впечатлѣніе въ Петербургѣ, гдѣ еще такъ недавно праздновали Боро-

динское сраженіе какъ побѣду. Донося государю о причинахъ, побудившихъ его оставить Москву безъ боя, князь Кутузовъ такъ излагалъ планъ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій: „Осмѣливаюсь всеподданнѣйше донести вамъ, всемилостивѣйшій государь, что вступленіе непріятеля въ Москву не есть еще покореніе Россіи. Напротивъ того, съ войсками, которыя успѣлъ я спасти, дѣлаю я движеніе на Тульскую дорогу. Сіе приведетъ меня въ состояніе защищать городъ Тулу, гдѣ хранится величайшій оружейный заводъ, и Брянскъ, въ которомъ столь же великій литейный дворъ, и прикрываетъ лишь всѣ ресурсы, въ обильнѣйшихъ нашихъ губерніяхъ заготовленные. Всякое другое направленіе пресѣкло бы мнѣ оныя, равно и связь съ войсками Торماسова и Чичагова, если бы они показали большую дѣятельность на угроженіе праваго фланга непріятельскаго. Хотя не отвергаю того, чтобы занятіе столицы не было раной чувствительною, но, не колеблясь между симъ происшествіемъ и событіями, могущими послѣдовать въ пользу нашу съ сохраненіемъ арміи, я принимаю теперь въ операціи со всѣми силами линію, посредствомъ которой, начиная съ дорогъ Тульской и Калужской, партіями моими буду пересѣкать всю линію непріятельскую, растянутую отъ Смоленска до Москвы и тѣмъ самымъ отвращая всякое пособіе, которое бы непріятельская армія съ тылу своего имѣть могла и обративъ на себя вниманіе непріятеля, надѣюсь его принудить оставить Москву и перемѣнить всю свою операціонную линію. Теперь въ недалекомъ разстояніи отъ Москвы, собравъ мои войска, твердою ногою могу ожидать непріятеля, и, пока армія вашего императорскаго величества цѣла и движима извѣстной храбростью и пылкимъ усердіемъ, дотолѣ еще возвратная потеря Москвы не есть потеря отечества“. Узнавъ отъ полковника Мишо, привезшаго это донесеніе, что въ арміи боятся, какъ бы государь не заключилъ мира съ Наполеономъ, императоръ Александръ сказалъ ему: „Возвратитесь въ армію, говорите моимъ вѣрноподданнымъ вездѣ, гдѣ вы будете проѣзжать,

что если у меня не останется ни одного солдата, я созову мое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ и подвигну всѣ средства моей имперіи. Россія даетъ мнѣ болѣе средствъ, чѣмъ полагаетъ непріятель. Но если судьбою и Промысломъ Божиимъ предназначено роду моему не царствовать болѣе на престолѣ моихъ предковъ, то истощивъ всѣ усилія, я отрощу себѣ бороду до сихъ поръ (и онъ указаль на грудь свою) и лучше согласиться питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подписать стыдъ отечества моего и добрыхъ моихъ подданныхъ, пожертвованія коихъ умѣю цѣнить“. Въ этомъ рѣшеніи императора Александра укрѣпляли и всѣ члены его царственной семьи, въ особенности супруга его, императрица Елисавета Алексѣевна, и сестра, великая княгиня Екатерина Павловна Ольденбургская.

За двѣ недѣли до занятія Москвы Наполеономъ императоръ возвратился изъ путешествія въ Финляндію, гдѣ 15 августа имѣлъ свиданіе съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ (Бернадотомъ) для подтвержденія союза Россіи съ Швеціей. Бывшій маршалъ Наполеона, извѣстный военными своими дарованіями, Бернадотъ не сомнѣвался въ конечномъ успѣхѣ Россіи, и движеніе Наполеона на Москву казалось ему началомъ его гибели. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ обмѣнялся съ императоромъ Александромъ мыслями о возможности арміями Торماسова и Чичагова съ юга и графа Витгенштейна съ сѣвера ударить въ тылъ Наполеону и отрѣзать ему отступленіе. Спустя полгода, Бернадотъ писалъ Наполеону, что онъ, совмѣстно съ императоромъ Александромъ, предвидѣлъ еще въ августѣ 1812 года печальный конецъ его похода и неисчислимыя его послѣдствія, какъ только Наполеонъ двинулся въ глубь русской имперіи; мало, того всѣ военныя соображенія заставляли ихъ думать, что и самъ Наполеонъ будетъ принужденъ сдаться въ плѣнъ. Есть достовѣрныя свидѣтельства, что императоръ предлагаль Бернадоту начальство надъ русскими войсками (вѣроятно надъ войсками Витгенштейна и

Штейнгеля), но Бернадотъ благоразумно отказался отъ этого. Дѣйствительно, успѣхи Витгенштейна надъ французами при Полоцкѣ и Чичагова надъ австрійцами и саксонцами на Волыни ясно показали слабость фланговъ Наполеона, удалившагося отъ нихъ на огромное разстояніе. Несомнѣнно, что бесѣды съ Бернадоттомъ побудили императора Александра отправить къ Кутузову, еще до оставленія имъ Москвы флигель-адъютанта Чернышева съ общимъ планомъ военныхъ дѣйствій для всѣхъ армій съ той цѣлю, чтобы преградить Наполеону обратный путь на Улѣ и Березинѣ.

Силы Наполеона, впрочемъ, не совсѣмъ были извѣстны, и въ Петербургѣ существовало еще опасеніе, что онъ можетъ, занявъ Москву, двинуться и къ сѣверной столицѣ. Выработанъ былъ планъ перевозки всего казеннаго имущества и приготавливались нужныя для этого средства. Учебныя заведенія тронулись въ Свеаборгъ, а дѣла присутственныхъ мѣстъ отправлены были къ пристани Крохинской для дальнѣйшей перевозки въ Бѣлозерскъ. Новый оборотъ военныхъ дѣйствій положилъ предѣлъ этимъ опасеніямъ и перевозкамъ: получено было извѣстіе объ отступленіи французовъ изъ Москвы.

Кутузовъ искусно совершилъ фланговое свое движеніе изъ Москвы для прикрытія южныхъ губерній. Выйдя изъ Москвы по рязанской дорогѣ, онъ сдѣлалъ по ней всего лишь два перехода и отъ Боровскаго перевоза двинулся со всей арміей на тульскую дорогу къ Подольску, прикрываясь рѣкой Красной Пахрой. На рязанской дорогѣ онъ оставилъ казачій отряды съ приказаніемъ отступать по ней по направленію къ Рязани и дѣлать видъ, что за ними отступаетъ туда и вся армія. Слѣдствіемъ этихъ неожиданныхъ и искусныхъ распоряженій было то, что французы потеряли слѣдъ отступленія Кутузова. 7 сентября наша армія стала твердой ногой у Красной Пахры на старой калужской дорогѣ, а 15 сентября продолжала отступленіе къ югу и 20 сентября перейдя рѣку Нору, за-

няла Тарутинскій лагерь. Здѣсь, обзрѣвъ позицію, Кутузовъ сказалъ: „теперь ни шагу назадъ“. Еще ранѣе отправленъ былъ Кутузовымъ на Можайскую дорогу 2-тысячный отрядъ генерала Дорохова для истребленія непріятельскихъ транспортовъ и командъ, шедшихъ въ Москву, и перерыва сообщеній Наполеона со Смоленскомъ.

Въ Тарутинскомъ лагерѣ Кутузовъ преслѣдовалъ двѣ цѣли: 1) выиграть время для усиленія арміи, подкрѣпленіями и для снабженія ея военными запасами, продовольствіемъ и всѣмъ нужнымъ для зимней кампаніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ развить партизанскую и народную войну противъ французовъ, 2) усыпить непріятели въ Москвѣ и всѣми средствами побудить его продолжать свое пребываніе въ ней до наступленія суроваго времени года. Къ несчастью, мудрый планъ Кутузова не могъ быть вполнѣ приведенъ въ исполненіе, потому что никто не хотѣлъ понять кажущагося его бездѣйствія, и многіе приписывали остановку въ военныхъ дѣйствіяхъ старости и упадку силъ фельдмаршала; нѣкоторые изъ лицъ, окружавшихъ Кутузова, какъ напр. генераль Беннигсенъ и англійскій генераль Вильсонъ, не только вступали съ нимъ въ горячія пренія, но и писали о томъ въ Петербургъ; Барклай де Толли даже оставилъ армію. Графъ Раstopчинъ, недовольный тѣмъ, что Кутузовъ не посвящалъ его въ свои планы, въ письмахъ своихъ къ государю, осуждалъ бездѣйствіе и преступное, по его мнѣнію, равнодушіе Кутузова, называлъ его „старой бабой, которая потеряла голову и думаетъ что нибудь сдѣлать, ничего не дѣлая“, и совѣтовалъ для предотвращенія мятежа отозвать „этого стараго болвана и пошлаго царедворца“. Всѣ эти донесенія имѣли дѣйствіе. Императоръ былъ издавна предубѣжденъ противъ фельдмаршала и съ своей стороны писалъ ему: „На вашей отвѣтственности будетъ, если непріятель будетъ въ состояніи отрядить значительную часть своихъ силъ къ Петербургу, гдѣ осталось немного войскъ, между тѣмъ какъ вы

съ вѣренною вамъ армією, дѣйствуя рѣшительно и дѣятельно, можете отклонить это несчастье“.

Но Кутузовъ, пока могъ, держался принятаго имъ плана, сдерживая нетерпѣніе своихъ сподвижниковъ. И дѣйствительно, съ каждымъ днемъ наша армія усиливалась, а непріятельская приходила въ истощеніе. Почти ежедневно приходили въ лагерь и постоянно обучались партіи рекрутъ для пополненія убыли въ полкахъ. Съ Дона пришло 30 казачьихъ полковъ, составленныхъ изъ стариковъ, выслужившихъ узаконенныя лѣта: они говорили, что пришли выручать своихъ внучатъ, которые воевать не умѣютъ. Изъ внутреннихъ губерній подвозили съѣстные припасы въ изобиліи, солдатамъ розданы были полушубки, пожертвованные для арміи. По вечерамъ въ лагерьъ слышалась музыка и пѣсни. Устранивъ всякій плацъ-парадный формализмъ въ войскахъ, заботясь о ихъ здоровьѣ и удобствахъ, Кутузовъ хотѣлъ приготовить ихъ къ перенесенію всѣхъ тягостей зимней кампаніи и не рисковалъ безъ нужды жизнию солдатъ. „За одного русскаго не возьму и десяти французовъ“, говорилъ онъ, когда ему предлагали блестящія, но безплодныя для его цѣли предпріятія.

Но, сберегая войска, опытный фельдмаршалъ принималъ мѣры къ тому, чтобы обезсилить армію французскую. Для этой цѣли онъ образовалъ легкіе отряды партизановъ, въ которыхъ обыкновенно находилось не болѣе 500 человекъ, и направилъ ихъ на путь сообщеній непріятеля со Смоленскомъ и подъ Москву для пресѣченія ему способовъ къ добыванію продовольствія и фуража. Партизанамъ предписано было одно: наносить какъ можно болѣе вреда непріятелю и возбуждать народную войну, помогая вооруженію крестьянъ, оказывая содѣйствіе другъ другу, въ случаѣ превосходства непріятельскихъ силъ; во всемъ прочемъ они получали право дѣйствовать самостоятельно. Первымъ офицеромъ, вызвавшимся начать партизанскія дѣйствія, былъ подполковникъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ и получилъ для этого отрядъ, состоявшій изъ 50

гусаровъ и 80 казаковъ; съ нимъ дѣйствовалъ онъ на Смоленской дорогѣ въ окрестностяхъ Вязьмы. Кромѣ Давыдова, прославились удачными своими дѣйствіями и отвагой партизаны: капитаны Сеславинъ и Фигнеръ, полковники князь Кудашевъ, Ефремовъ и князь Вадбольскій, окружившіе Москву летучими своими отрядами и не дававшіе непріятелю покоя. Дѣйствіямъ партизановъ очень мѣшалъ сначала городъ Верея, гдѣ находился сильный французскій гарнизонъ и возведены были, по приказанію Наполеона, укрѣпленія; но Кутузовъ поручилъ генералу Дорохову выгнать французовъ изъ Вереи. Еще ранѣе, дѣйствуя возлѣ Можайска, Дороховъ распространялъ между крестьянами воззваніе: „вооружайтесь и присоединяйтесь ко мнѣ для истребленія злодѣя вѣры и отечества, который разоряетъ храмы Божіи, оскверняя ихъ, опустошаетъ селенія, забираетъ собственность“. Теперь къ Дорохову явилось до 1.000 вооруженныхъ крестьянъ вышегородской волости подъ начальствомъ священника Іоанна Скобѣева, удачно боровшихся съ мелкими французскими партіями. Они срыли теперь возведенныя французами укрѣпленія и очистили городъ отъ запрятавшихся въ немъ французовъ. Четверо Верейскихъ крестьянъ и одинъ отставной солдатъ вели колонны Дорохова на приступъ и получили за это отъ фельдмаршала знаки отличія военнаго ордена.

По Смоленской дорогѣ и въ окрестностяхъ Москвы, свирѣпствовали шайки французскихъ мародеровъ, численность которыхъ достигала иногда 300 человѣкъ. Шайки эти состояли по большей части изъ отсталыхъ и бѣглыхъ солдатъ французской арміи, страдавшей и въ то время отъ голода. Онѣ сжигали села и деревни, грабили и производили всякія насилія; цѣлыя волости крестьянъ должны были бѣжать въ лѣса съ семьями и скотомъ. Партизаны уничтожали эти шайки, захватывали непріятельскихъ фуражировъ, нападали на отдѣльныя команды, брали сотни плѣнныхъ и отбитое оружіе раздавали крестьянамъ. Чтобы не навлечь на себя ударовъ сильныхъ непріятельскихъ отря-

довъ, партизаны постоянно мѣняли свое мѣстопробываніе, появляясь тамъ, гдѣ врагъ ожидалъ ихъ менѣе всего. „Станы нашихъ партизановъ, говоритъ современникъ, похожи были по наружному виду на притоны разбойниковъ или цыганскіе таборы. Крестьяне съ вилами, косами, топорами, французскими ружьями и пистолетами, казаки, гусары, ратники ополченіе пестрыми толпами перемѣшаны были съ непріятелями, одѣтыми во всѣ европейскіе мундиры, иногда съ женами ихъ и дѣтьми. Иные изъ нашихъ плѣнныхъ, отбитыхъ у французовъ, послѣ своего освобожденія поступали въ партизанскія партіи и, за неимѣніемъ русскихъ мундировъ, были одѣваемы во французскіе. Въ лагері партизановъ свозили отбиваемые у французовъ и награбляемые ими въ Москвѣ экипажи, книги, картины, платья и всякія другія вещи. Золото и серебро находили въ такомъ количествѣ, что донцы, промѣнивали его на ассигнаціи третью и четвертую часть цѣны металла. Крестьяне служили для партизановъ проводниками и обыкновенно содержали передовыя цѣпи; въ добычу себѣ они охотнѣе всего присваивали рогатый скотъ, лошадей, телѣги, оружіе“.

Выслалъ отъ себя партизановъ и отрядъ генераль-адъютанта Винцингероде, нахоившійся къ сѣверу отъ Москвы для прикрытія петербургской дороги. Ими, при содѣйствіи крестьянъ, уничтожаемы были французскіе фуражиры, посылаемые изъ Москвы для добыванія продовольствія. И здѣсь повторялись тѣ же сцены, какъ и на югѣ отъ Смоленской дороги, до которой вскорѣ расширили свои дѣйствія партизаны сѣвернаго отряда, полковники Бенкендорфъ и Чернозубовъ. Для исторіи русской культуры уничтоженіе французами богатыхъ помѣщичьихъ подмосковныхъ усадебъ съ ихъ библіотеками, картинными галереями и домашними архивами, вмѣстѣ съ погибелью такихъ же сокровищъ, находившихся въ самой Москвѣ, является тяжелой невознаградимой потерей. Историческая святыня Россіи, Троице-Сергіева лавра, спасена была лишь

дѣятельностію партизановъ и крестьянъ: Французы дошли до Богородска и Дмитрова по направленію къ лаврѣ, но, обезпокоенные нападеніями партизанскихъ отрядовъ и крестьянскихъ ополченій, находившихся на Ярославской дорогѣ, боялись придвинуться къ лаврѣ, окруженной густыми лѣсами, а затѣмъ отозваны были Наполеономъ къ Москвѣ, куда онъ, готовясь къ отступленію, началъ стягивать всѣ свои войска.

Партизаны придали новыя силы народной войнѣ, которая началась ранѣе ихъ появленія, еще со времени взятія Смоленска французами. Конечно, подвиги русскихъ людей, возставшихъ грудью для защиты отечества, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, остались безвѣстными, какъ безвѣстны и имена этихъ героевъ и мучениковъ, на которыхъ внезапно обрушилась военная гроза. На подвиги сѣрыхъ мужиковъ мало обращали вниманія, прикованнаго преимущественно къ дѣйствіямъ арміи. Но исторія и преданіе сохранили для насъ многіе эпизоды народной войны, которые позволяютъ судить о ея силѣ и характерѣ. Прежде всего, любопытно отмѣтить, что въ дѣлѣ истребленія французовъ крестьяне дѣйствовали единодушно съ помѣщиками, которые въ Смоленской губерніи сами формировали отряды крестьянъ, нападали на французовъ и часто отстаивали села и деревни отъ грабителей. Изъ числа этихъ помѣщиковъ слѣдуетъ упомянуть о подполковникѣ Энгельгардтѣ и коллежскомъ асессорѣ Шубинѣ, захваченныхъ французами и разстрѣлянныхъ ими въ Смоленскѣ, и о Юхновскомъ предводителѣ дворянства Храповицкомъ, который, собравъ до 2.000 крестьянъ и обучивъ ихъ нѣсколько военному дѣлу съ помощію отставныхъ офицеровъ—помѣщиковъ, первый заслонилъ французамъ дорогу изъ Вязьмы на Калугу, помѣшавъ имъ захватить нераззоренный еще край. Эти отряды, вредя врагу, въ то же время поддерживали порядокъ на мѣстахъ, наказывая тѣхъ изъ крестьянъ, которые, пользуясь всеобщимъ замѣшательствомъ, обнаруживали наклонность къ неслуханію и грабежу. Иногда

во главѣ отрядовъ становились отставные солдаты или энергическіе люди изъ среды самихъ крестьянъ: бурмистры, старосты, даже простыя бабы. Изъ числа ихъ особенно прославились солдатъ Четвертаковъ, организовавшій значительный отрядъ изъ крестьянъ и спасшій отъ грабежа значительную часть Гжатскаго уѣзда, крестьянинъ Герасимъ Куринъ, собравшій отрядъ въ 5.000 человѣкъ около Богородска и истребившій много непріятельскихъ отрядовъ, въ томъ числѣ нѣсколько эскадроновъ кавалеріи, и знаменитая старостиха Василиса въ Сычевскомъ уѣздѣ, которая, набравъ себѣ въ команду бабъ и ребятишекъ, во французской шинели, съ саблей чрезъ плечо, часто гоняла въ городъ Сычевскъ плѣнныхъ французовъ. Народная война пріобрѣла такую силу, что французы вынуждены были посылать въ фуражировку цѣлые отряды съ артиллерією и пойманныхъ крестьянъ разстрѣливали. Крестьяне встрѣчали смерть съ непоколебимою твердостію, удивлявшей французовъ. Съ своей стороны и крестьяне не щадили врага. Не столько, впрочемъ, сами французы вызывали ихъ озлобленіе, сколько ихъ нѣмецкіе союзники, названные ими Безпальцами (Вестфальцы) и Поварцами (Баварцы), которые дѣйствительно отличались особою жестокостію и безчеловѣчіемъ. Изъ баварцевъ почти никто не вернулся на родину, какъ это засвидѣтельствовано на памятникѣ, воздвигнутомъ потомъ въ столицѣ Баваріи, Мюнхенѣ.

Образъ веденія народной войны повсюду былъ одинаковъ. „Въ селеніяхъ, говоритъ современникъ, запирали ворота и ставили по нимъ караулы: у околицъ устраивали шалаши въ родѣ будокъ, а подлѣ нихъ сошки для пикъ. Никому изъ постороннихъ не дозволялось приближаться къ селеніямъ; проѣзжающіе, даже наши курьеры и партизаны, были задерживаемы и пропускаемы не иначе, какъ послѣ точнаго убѣжденія, что они не враги. Съ каждымъ селеніемъ партизаны должны были вступать въ переговоры, и когда, по окончаніи ихъ, спрашивали у крестьянъ: „За чѣмъ они, слыша, что съ нашей стороны говорили по рус-

ски, принимали насъ за непріятелей? они отвѣчали: „Да вѣдь у злодѣя всякаго сбора люди“. Однажды православные истребили 60 человекъ Теплярскаго казачьяго полка, принявъ ихъ за непріятелей по нечистому произношенію русскаго языка. Женъ и дѣтей крестьяне скрывали въ лѣсахъ, а сами были на денной и ночной стражѣ, ставили часовыхъ на колокольняхъ и возвышенныхъ мѣстахъ, клятвенно, цѣлованіемъ креста и евангелія, обѣщаясь не выдавать другъ друга... Когда французы бывали въ превосходномъ числѣ, въ такомъ случаѣ прибѣгали къ хитрости. Ласково, съ поклонами, встрѣчая бродягъ и фуражировъ, крестьяне предлагали имъ яства и напитки, а потомъ, во время сна или опьяненія гостей, отнимали у нихъ оружіе, душили ихъ, либо выждавъ, когда непріатели уснутъ, припирали двери бревнами, окладывали сѣни хворостомъ и зажигали ихъ. Трупы убитыхъ бросали въ колодцы, пруды и рѣки, сжигали въ овинахъ... Иноземцы, шедшіе противъ Бога и Руси, перестали, въ понятіи народа, казаться людьми: всякое мщеніе противъ нихъ считалось не только дозволи- тельнымъ, но и законнымъ“. Но когда тѣ же французы, взятые въ плѣнъ, появлялись во внутреннихъ губерніяхъ, удаленныхъ отъ театра войны, голодные, полуодѣтые и не- обутые, русскіе люди, не помня зла, снабжали одеждой, обувью, хлѣбомъ и деньгами.

Неудивительно, что Наполеонъ, очутившись въ Москвѣ, въ скоромъ времени почувствовалъ себя какъ бы въ осадѣ. Продовольствіе уменьшалось съ каждымъ днемъ, потому что запасовъ, оставшихся въ Москвѣ, не хватало для ар- міи, а фуражировки часто оканчивались гибелью фуражи- ровъ. Только гвардія пользовалась правильною раздачею провіанта; прочія войска должны были добывать его какъ умѣли, грабили, стрѣляли воронъ, ѣли конину. Но стрем- леніе Наполеона привлечь въ Москву крестьянъ для про- дажи хлѣба и фуража оказалось напраснымъ: нѣкоторые изъ нихъ, соблазненные огромными цѣнами, повезли было въ Москву съѣстные припасы, но на заставахъ ограблены

были голодными французами. Попытка Наполеона устроить въ Москвѣ городское управленіе изъ русскихъ также кончилась неудачно. Между тѣмъ грабежи и насилія въ Москвѣ не прекращались съ согласія самого Наполеона, раздраженнаго своими неудачами. Ограблены были и осквернены даже Кремлевскіе соборы и прочія московскія церкви. Успенскій, Благовѣщенскій и Архангельскій соборы обращены были въ казармы; нѣкоторые биваки устроены были изъ большихъ мѣстныхъ образцовъ. Въ другихъ церквахъ свалены были овесъ, сѣно и солома или стояли лошади. Въ алтарѣ Чудова монастыря маршалъ Даву устроилъ себѣ канцелярію. Въ соборной церкви Петровскаго монастыря находился мясной магазинъ, а на дворѣ его распластывали быковъ. Въ другихъ московскихъ церквахъ были подобныя же сцены. Облаченія и церковныя вещи употреблялись на выжигу золота и серебра, иногда священническія ризы замѣняли собою на лошадяхъ попоны; святыя иконы служили для французовъ цѣлью для стрѣльбы или матеріаломъ для костровъ. Священники и монахи подвергались истязаніямъ и даже смерти. Когда нечего было грабить въ самой Москвѣ, французы стали снимать съ проходившихъ жителей платье, сапоги, вырывали серьги изъ ушей, сдергивали кольца; свою добычу они навьючивали на русскихъ и заставляли ихъ нести ее чрезъ силу на свои стоянки, подбавлявая ихъ прикладами ружей или ударами сабель. Женщинамъ не было проходу. Лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ жили челоѵколюбивые и строгіе французскіе начальники, русскіе чувствовали нѣкоторую защиту; такимъ образомъ спасся и Новодѣвичій монастырь. Грабежи, между тѣмъ, и для враговъ нашихъ не прошли даромъ, расшатавъ порядокъ и дисциплину во французской арміи.

Наполеонъ почувствовалъ наконецъ необходимость отступить къ своимъ подкрѣпленіямъ, которымъ онъ уже велѣлъ выступить въ Россію съ береговъ Вислы и Одера, но надежда, что, продолжая занимать столицу Россіи, онъ побудитъ императора Александра къ заключенію мира, заставляла его

оставаться въ ней. Не получая, однако, отвѣта на свое письмо къ императору, Наполеонъ рѣшилъ обратиться съ прямымъ предложеніемъ мира къ Кутузову. Для этой цѣли онъ 22 сентября поручилъ своему генераль-адъютанту Лористону ѣхать въ Тарутино, предложить размѣнъ плѣнныхъ и завести рѣчь о мирѣ. Ничего не могло быть пріятнѣе для Кутузова этого предложенія врага: обманчивыми переговорами онъ могъ задержать Наполеона въ Москвѣ еще на долгое время подъ тѣмъ предлогомъ, что ему нужно снестись съ Петербургомъ и получить повелѣнія отъ государя. Сообразно съ этимъ, онъ и велъ бесѣду съ Лористонемъ. „Дружба, говорилъ Кутузову Лористонъ, существовавшая между императорами Александромъ и Наполеономъ, разорвалась несчастнымъ образомъ, по обстоятельствамъ постороннимъ, и теперь удобный случай возстановить ее. Неужели эта небывалая, неслыханная война должна продолжаться вѣчно? Императоръ Наполеонъ искренно желаетъ прекратить эту распрю между двумя великими и благородными народами“. Кутузовъ отвѣчалъ Лористону, что на заключеніе мира онъ не получилъ никакого наставленія и что при отправленіи его въ армию даже названія мира не было упомянуто, но согласился довести до свѣдѣнія государя о желаніи Лористона прибыть въ Петербургъ для переговоровъ. Въ перемиріи, котораго просилъ Лористонъ впредь до полученія отвѣта изъ Петербурга, Кутузовъ отказалъ. На жалобы Лористона на ожесточенную народную войну, поднявшуюся противъ французовъ, Кутузовъ отвѣтилъ: „Вы спрашиваете, зачѣмъ народъ нападаетъ на ваши войска? Народомъ я не начальствую и не могу воспрепятствовать его вооруженію. Что касается армии, надѣюсь, что она соблюдаетъ всѣ правила, существующія между просвѣщенными державами. Можетъ быть, васъ ожидаютъ еще большія несчастія“. Но уже одно открытіе мирныхъ переговоровъ съ Лористонемъ возбудило нареканія на Кутузова со стороны его враговъ; англійскій генераль Вильсонъ осмѣлился даже требовать, чтобы его

допустили присутствовать при свиданіи Кутузова съ Лористономъ и тѣмъ заставиль стараго фельдмаршала дать ему заслуженный урокъ указаніемъ на то, что англичане хотѣли загребать жаръ русскими руками. „Я лучше желаю построить большой мостъ моему непріятелю, сказалъ ему Кутузовъ нежели поставить себя въ такое положеніе, чтобы получить непоправимый ударъ. Сверхъ того, я опять повторяю то, что уже нѣсколько разъ вамъ говорилъ, что я вовсе не убѣжденъ, будетъ ли великимъ благодѣяніемъ для вселенной совершенное уничтоженіе Наполеона и его войска. Наслѣдство послѣ него не попадетъ въ руки Россіи или какой-либо иной изъ сухопутныхъ державъ, но достанется той державѣ, которая уже завладѣла морями, и тогда владычество ея будетъ невыносимо“.

Къ сожалѣнію, отвѣтъ императора Александра пришель скорѣе, чѣмъ ожидалъ Кутузовъ. Въ своемъ рескриптѣ онъ изъяслялъ фельдмаршалу неудовольствіе. „Изъ донесенія вашего, съ кн. Волконскимъ полученнаго, извѣстился я о бывшемъ свиданіи вашемъ съ французскимъ генераль-адъютантомъ Лористономъ, писалъ Александръ. При самомъ отправленіи вашемъ къ ввѣреннымъ вамъ арміямъ, изъ личныхъ моихъ съ вами объясненій, извѣстно вамъ было твердое и настоятельное желаніе мое устраняться отъ всякихъ переговоровъ и клонящихся къ миру сношеній съ непріателемъ. Нынѣ же, послѣ сего происшествія, долженъ съ тою же рѣшимостію повторить вамъ, дабы сіе принятое мною правило было во всемъ его странствѣ строго и непоколебимо вами соблюдаемо... Всѣ свѣдѣнія, отъ меня къ вамъ доходящія и всѣ предначертанія мои въ указахъ на имя ваше изъясняемыя, однимъ словомъ, все убѣждаетъ васъ въ твердой моей рѣшимости, что въ настоящее время никакія предложенія непріятеля не побудятъ меня прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязанность—отмстить за оскорбленное отечество“.

Такимъ образомъ Кутузовъ побуждаемъ былъ къ открытію военныхъ дѣйствій противъ Наполеона. Самъ На-

полеонъ, не получая отвѣта на предложеніе Лористона, также началъ 1 октября готовиться къ выступленію изъ Москвы, стягивая по ней всѣ свои разбросанные въ окрестностяхъ Москвы отряды и отправляя тяжести, а также больныхъ и раненыхъ солдатъ по Можайской дорогѣ въ Смоленскъ. Армія его, не смотря на потери при Бородинѣ и во время стоянки въ Москвѣ, заключала въ себѣ еще болѣе 100.000 человекъ, но кавалерія его страдала недостаткомъ лошадей; не хватало ихъ и для артиллеріи. Наполеонъ чувствовалъ невозможность отступленія по раззоренной Смоленской дорогѣ и рѣшилъ, обойдя лѣвый флангъ Кутузова, двинуться чрезъ Малоярославецъ къ Калугѣ, чтобы отступить по мѣстамъ, не тронутымъ войною, гдѣ онъ могъ имѣть продовольствіе и фуражъ. Днемъ выступленія изъ Москвы Наполеонъ назначилъ 7 октября, но уже наканунѣ онъ неожиданно получилъ извѣстіе о началѣ наступательныхъ дѣйствій со стороны Кутузова и о пораженіи Мюрата при Тарутинѣ.

Фельдмаршалъ успѣлъ довести въ Тарутинѣ численность своей арміи до 95.000 человекъ, но, вѣрный своему плану, не хотѣлъ пробуждать Наполеона изъ его бездѣйствія. Однако, въ концѣ концовъ, онъ не могъ устоять противъ всеобщихъ упрековъ въ бездѣятельности, въ особенности когда узналъ, что ихъ раздѣляетъ самъ государь. Поэтому онъ позволилъ генералу Беннигсену напасть на Мюрата, который безопасно расположился на рѣкѣ Чернишнѣ, съ 25.000 человекъ, предъ Тарутинскимъ лагеремъ. 6 октября Мюратъ былъ внезапно атакованъ русскими войсками и совершенно разбитъ. Кутузовъ не преслѣдовалъ непріятеля, чтобы не встрѣтиться съ Наполеономъ, который могъ послѣшить на помощь своему авангарду, и возвратился въ Тарутинскій лагерь. Но Наполеонъ, узнавъ о пораженіи Мюрата, понялъ, что нельзя терять времени для отступленія. Утромъ 7 октября французская армія двинулась изъ Москвы по старой Калужской дорогѣ, сопровождаемая огромными обозами съ награб-

ленной добычей. Въ Москвѣ Наполеонъ оставилъ на два дня корпусъ маршала Мортъе, чтобы прикрыть свое отступление отъ русскихъ отрядовъ, стоявшихъ на сѣверѣ, и въ безсильной злобѣ на русскихъ приказалъ ему, при окончательномъ очищеніи Москвы, взорвать Кремль и домъ графа Растопчина, уцѣлѣвшій отъ пожара. Къ счастью, это варварское повелѣніе французамъ не удалось исполнить въ точности: пострадала отъ взрыва лишь часть Кремлевской стѣны и нѣкоторыя Кремлевскія зданія; уцѣлѣлъ случайно и домъ Растопчина.

Наполеонъ двинулся по старой Калужской дорогѣ на встрѣчу Кутузову, полагая, что русскіе будутъ преслѣдовать Мюрата. Убѣдившись, что Кутузовъ возвратился въ Тарутинскій лагерь, Наполеонъ поспѣшилъ повернуть войска на новую Калужскую дорогу къ Малоярославцу, надѣясь занять его ранѣе русскихъ. Счастіе благопріятствовало ему въ этомъ движеніи. Несмотря на то, что французы двигались очень медленно, стѣсняемые огромнымъ количествомъ обозовъ, несмотря на то, что они окружены были сѣтью русскихъ партизанскихъ отрядовъ, передовыя французскія войска были уже въ Боровскѣ, въ двухъ переходахъ отъ Малоярославца, когда объ отступленіи Наполеона узналъ Кутузовъ. Извѣстилъ его объ этомъ Дохтуровъ, корпусъ котораго выдвинуть былъ по направленію къ Боровску для наблюденія за новой Калужской дорогой. Французы такъ были увѣрены въ возможности занять Малоярославецъ прежде прибытія русскихъ, что не спѣшили походомъ, и даже, подойдя къ городу, не ввели въ него значительныхъ силъ. Между тѣмъ, Дохтуровъ, по приказанію фельдмаршала, уже спѣшилъ преградить французамъ дорогу. Послѣ труднаго похода по проселочнымъ дорогамъ и затруднительной переправы черезъ рѣку Протву, на которой пришлось навести мосты, Дохтуровъ на разсвѣтъ 12 октября явился къ Малоярославцу и тотчасъ же занялъ городъ, выбивъ французовъ изъ занятаго ими квартала. Тогда и французы

ввели въ бой значительныя силы. На улицахъ города началось кровопролитное сраженіе, продолжавшееся весь день; городъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Въ полдень пріѣхалъ къ Малоярославцу самъ Наполеонъ, а вслѣдъ затѣмъ на помощь къ Дохтурову явился изъ Тарутина и Кутузовъ со всей своей арміей, сдѣлавъ утомительный ночной походъ. Наполеонъ увидѣлъ, что дальнѣйшее движеніе его въ Калугу возможно будетъ только лишь послѣ побѣды надъ Кутузовымъ, а между тѣмъ ночью Кутузовъ занялъ позади Малоярославца неприступную позицію, съ твердой рѣшимостію не пускать Наполеона далѣе. „Завтра, доноситъ онъ въ тотъ же день государю, полагаю, должно быть генеральное сраженіе, безъ котораго я ни подъ какимъ видомъ Наполеона въ Калугу не пушу“.

Но до сраженія дѣло не дошло. Наполеонъ зналъ, что сраженіе, каковъ бы ни былъ его исходъ, будетъ пагубно для разстроенной французской арміи, лишенной кавалеріи, военныхъ и продовольственныхъ запасовъ и охваченной народной войной. Сильное впечатлѣніе на Наполеона произвелъ набѣгъ въ ночь съ 12 на 13 октября казачьихъ партій на Боровскую дорогу, при чемъ они захватили 11 французскихъ партій и едва не взяли въ плѣнъ самого Наполеона: онъ спасся лишь потому, что казаки, не замѣтивъ его присутствія, бросились грабить бочки съ золотомъ. Послѣ долгаго раздумья, узнавъ, что и дорога на Медынь занята русскими войсками, онъ рѣшился, наконецъ, отступать къ Смоленску по знакомой, разоренной Можайской дорогѣ. Между тѣмъ Кутузовъ приблизился къ Медыни на случай, если бы французы рѣшились пробиваться по Медынской дорогѣ. Узнавъ о движеніи французовъ на Смоленскую дорогу чрезъ Можайскъ, Кутузовъ отправилъ для преслѣдованія Наполеона сильный отрядъ подъ начальствомъ Милорадовича и казачьи полки Платова, а самъ двинулся кратчайшимъ путемъ наперерѣзъ французамъ къ Вязьмѣ. Съ этого времени начался новый оборотъ войны, и французская армія, въ бѣгствѣ своемъ

изъ Россіи, испытывала только рядъ поражений, пока наконецъ она не подверглась почти полному уничтоженію.

V.

Бѣгство Наполеона изъ Россіи.

Послѣ боя при Малоярославцѣ, жители Калуги, боясь нашествія врага, находившагося всего въ 40 верстахъ, послали нарочныхъ къ Кутузову узнать о предстоящей имъ будущности. „Увѣрьте ихъ, отвѣчалъ фельдмаршалъ Калужскому городскому головѣ, что я никакъ не ретируюсь, и что цѣль моя не въ томъ состоитъ, чтобы выгнать непріятеля изъ предѣловъ нашихъ, но чтобы, призвавъ на помощь Всемогущаго Бога, изрыть имъ могилу въ нѣдрахъ Россіи“. Увѣренный въ достиженіи своей цѣли, Кутузовъ и дѣлалъ свои распоряженія о преслѣдованіи непріятеля.

Старый, испытанный въ военномъ дѣлѣ вождь, заставивъ непріятеля отступить по опустошенной дорогѣ, ни мало не сомнѣвался въ томъ, что французская армія, увеличивая свой бѣгъ по мѣрѣ приближенія къ русской границѣ, на протяженіи 800 верстъ, и испытывая всевозможныя лишенія, не имѣя впереди никакой точки опоры, должна будетъ погибнуть. Преслѣдованіе французовъ русскими войсками должно было только увеличить беспорядокъ въ ихъ рядахъ, не давая имъ опомниться и остановиться для отдыха. Но, неумоимо преслѣдуя французскую армію, русскія войска также должны были бы испытывать лишенія, нести потери большими и отсталыми, какъ и французы. Поэтому Кутузовъ преслѣдовалъ французовъ только передовыми и легкими войсками, а самъ съ главными своими силами совершалъ фланговое движеніе, идя по кратчайшему пути на перерѣзъ Наполеону къ Вязьмѣ и Красному и прежде всего

думая о продовольствіи и здоровьѣ войскъ. „Все это развалится и безъ меня“, говорилъ онъ, когда генералы побуждали его къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ французовъ, мало способныхъ къ упорному сопротивленію. Безполезныя для главной цѣли Кутузова сраженія и кровавыя стычки не возбуждали его честолюбія, хотя и увѣнчивались побѣдами: „за одного русскаго не возьму я и десяти французовъ“, повторялъ онъ и съ негодованіемъ слушалъ крики англійскаго генерала Вильсона, увѣрявшаго, что „побѣда замѣняетъ продовольствіе“, и готоваго жертвовать всѣми русскими войсками для гибели Наполеона. И дѣйствительно, отступление Наполеона было такъ быстро, лишенія войскъ русскихъ, его преслѣдовавшихъ, были такъ велики, несмотря на всю предусмотрительность фельдмаршала, что чрезъ два мѣсяца, по приходѣ въ Вильну, въ русской арміи, насчитывавшей въ своемъ составѣ при выходѣ изъ Тарутинскаго лагеря до 95 тысячъ человекъ, оказалось всего 27.000, т. е. менѣе трети всего ея состава.

Кровавыя сраженія при Вязьмѣ и Дорогобужѣ, гдѣ погибло до 10 тысячъ французовъ, уничтоженныхъ войсками Милорадовича и Платова при содѣйствіи партизановъ, обнаружили всю силу разрушенія, постигшаго великую Наполеоновскую армію на пути ея отступления: солдаты ея думали уже не о сраженіяхъ, а лишь о поддержкѣ своего существованія. Уже въ первые дни отступления французы, за недостаткомъ лошадей, принуждены были бросить тяжести, пушки, фуры съ добычей и съѣстными припасами, и взрывать зарядные ящики и артиллерійскіе снаряды. Въ Можайскѣ и Гжатскѣ французы вынуждены были оставить своихъ раненыхъ и, по приказанію Наполеона, стали жечь уцѣлѣвшія еще села и деревни и пристрѣливать русскихъ плѣнныхъ. Имъ едва давали по куску конской кожи на пропитаніе, и убивали тѣхъ изъ нихъ, кто не могъ идти. Усталые плѣнные, предчувствуя свою участь, завидя вдали на дорогѣ церковь, старались дотащиться до нея, становились по нѣскольку рядовъ у дверей

паперти и ихъ разстрѣливали. Но французы уже сами начали страдать отъ голода и холода. Холода начались съ 15 октября, по ночамъ было до 4 градусовъ мороза, и это тяжело отзывалось на плохо одѣтыхъ, усталыхъ и голодныхъ солдатахъ. Вокругъ потухшихъ бивуачныхъ огней можно было видѣть сотни солдатъ, застывшихъ отъ холода и съ отмороженными членами. И солдаты, и офицеры стали укутывать себя всѣмъ, что попадалось имъ подъ руку: одѣялами, женскими платьями, священническими облаченіями. Мало по малу значительная часть французской арміи по внѣшнему своему виду представляла сбродную толпу, а не благоустроенное войско. И въ то время, когда толпа эта двигалась по дорогѣ, справа и слѣва отъ нея являлись казаки, хватали отсталыхъ и собирали добычу, дѣйствуя совершенно безнаказанно, потому что у французовъ почти вовсе не было кавалеріи.

Но бѣдствія французской арміи только еще начинались. Съ 23 октября пошелъ сильный снѣгъ, а съ 25 октября началась страшная мятель. „Мы приближались къ Дорогобужу, рассказываетъ очевъ тець-французъ, и находились отъ Смоленска въ 56 верстахъ. Мысль, что въ три дня мы достигнемъ этого города, возбуждала всеобщую радость. Но вдругъ измѣнилась погода. Солнце скрылось за густыми облаками, сырой туманъ наполнилъ воздухъ, сильными хлопьями началъ падать снѣгъ, и небо и земля слились вмѣстѣ. Порывистый вѣтеръ съ яростью свисталъ по лѣсамъ, пригибая къ землѣ деревья и, наконецъ, земля превратилась въ бѣлую, безпріютную пустыню. Въ это ужасное время солдаты, удрученные вѣтромъ и снѣгомъ, не могли различать большой дороги, падали въ канавы, которыя шли по обѣимъ ея сторонамъ, и онѣ служили имъ гробомъ... 25 октября стоялъ такой туманъ, что ни зги не было видно, и трещалъ морозъ свыше двадцати двухъ градусовъ. У насъ губы слипались, внутри носа стыло и самый мозгъ, казалось, замерзалъ. Мы двигались въ ледяной атмосферѣ. Весь день не только не видно было

неба, но даже и тѣхъ, кто шелъ впереди насъ“. Общее несчастіе, общія лишенія, уравнивали солдатъ и офицеровъ: въ нихъ погасало сознаніе долга и чести, а дѣйствовалъ лишь инстинктъ самосохраненія. Въ толпѣ безоружныхъ, имѣвшихъ маскаранный видъ, нельзя было различать чиновъ и степеней: всѣ они искали только случая приткнуться къ разведенному костру и раздобыть бы хотя кусокъ лошадиной падали какими бы то ни было средствами. Мѣста bivуаковъ обозначались обыкновенно трупами замерзшихъ солдатъ. Говорили, что французы начали уже ѣсть чело-вѣческое мясо.

„Отъ Вязьмы къ Дорогобужу, рассказываетъ одинъ изъ русскихъ офицеровъ, участвовавшихъ въ преслѣдованіи, — мы шли большой Смоленской дорогой и съ ужасомъ видѣли на ней непрерывное кладбище или какъ бы дѣйствіе опустошительной чумы: на каждой верстѣ лежало по нѣскольку десятковъ лошадей и трупы погибшихъ французовъ; между ними валялись фуры или взорванные пороховые ящики. Видѣли, какъ у многихъ околѣвшихъ лошадей вырѣзано было мясо, видѣли, о ужасъ! — въ брюхѣ одной такой лошади француза, схватившагося обѣими руками за печенку и, видно, хотѣвшаго ее ѣсть; но лютый морозъ окаменилъ его въ этомъ положеніи. Иные несчастные, оставшіеся на дорогѣ, хотя и были живы, но отъ сильнаго изнуренія и голода потеряли употребленіе языка и только слабымъ движеніемъ рукъ обнаруживали въ себѣ остатокъ жизни. Въ такомъ положеніи нашли мы на дорогѣ сидѣвшаго подъ деревомъ бѣлокураго, въ тонкомъ синемъ мундирѣ, подъ трехугольной шляпой офицера. Его глаза были полуоткрыты, голова склонилась на сторону, смутная блѣдность покрывала прекрасное лицо. Онъ не отвѣчалъ на наши вопросы, и, казалось, потерялъ уже зрѣніе, только правая рука его двигалась къ сердцу. Вдругъ глаза его сдѣлались неподвижны — и онъ угасъ предъ нами. Такіе ужасы производили непріятное впечатлѣніе. Хотя французы были наши враги и разорители, однако же мщеніе не

могло заглушить въ насъ чувства челоѣчности до такой степени, чтобы мы не сострадали ихъ бѣдствіямъ. Многіе солдаты отходили отъ этихъ предметовъ ужаса съ сожалѣніемъ и, будучи тронуты свирѣпостію войны, проклинали виновника оной, Наполеона“.

Трудности зимнихъ военныхъ дѣйствій при такихъ невѣроятныхъ условіяхъ не могли не чувствовать и русскія войска, какъ ни заботился фельдмаршалъ о ихъ здоровьѣ. Кутузовъ отдалъ по этому поводу слѣдующій приказъ: „Послѣ чрезвычайныхъ успѣховъ, одерживаемыхъ нами ежедневно и повсюду надъ непріателемъ, остается только быстро его преслѣдовать, и тогда, можетъ быть, земля русская, которую мечталъ онъ поработить, усѣтся костями его. Итакъ, будемъ преслѣдовать неутомимо. Настаетъ зима, вьюги и морозы; но вамъ ли бояться ихъ, дѣти сѣвера? Желѣзная грудь ваша не страшится ни суровости непогодъ, ни злости враговъ: она есть надежная стѣна отечества, о которую все сокрушается. Вы будете умѣть переносить и кратковременные недостатки, если они случатся. Добрые солдаты отличаются твердостію и терпѣніемъ; старые служилые дадутъ примѣръ молодымъ. Пусть всякій помнитъ Суворова: онъ научалъ сносить и голодъ, и холодъ, когда дѣло шло о побѣдѣ и славѣ русскаго народа. Идемъ впередъ! Съ нами Богъ! Предъ нами разбитый непріатель! Да будетъ за нами тишина и спокойствіе!“.

Когда Наполеонъ съ гвардіей и передовыми войсками добрался наконецъ 29 октября до Смоленска, то узналъ, что отрядъ генерала Ожеро былъ взятъ русскими въ плѣнъ, а вице-король итальянскій разбитъ полками Платова на рѣкѣ Вои. Но еще болѣе подавляющее впечатлѣніе произвели на него вѣсти, что Витебскъ былъ взятъ графомъ Витгенштейномъ, отбросившимъ войска маршала Сенъ-Сира къ югу, и что адмиралъ Чичаговъ идетъ на Минскъ: движенія эти угрожали пути отступленія Наполеона, согласно плану императора Александра и онъ могъ очутиться въ кольцѣ русскихъ армій. Въ Смоленскѣ Наполеонъ думалъ

остановить свою армію на нѣсколько дней, дать ей продовольствіе и отдыхъ, и образовать отдѣльныя части изъ офицеровъ и солдатъ, сохранившихъ оружіе. Но оказалось, что въ Смоленскѣ, вопреки приходу Наполеона, не было сдѣлано никакихъ заготовленій и находившіеся тамъ запасы едва были достаточны для гвардіи и передовыхъ войскъ. Роздавъ все, что можно было, бывшимъ съ нимъ войскамъ, Наполеонъ уже ничего не могъ дать вновь подходившимъ корпусамъ, надѣявшимся найти въ Смоленскѣ и теплыя помѣщенія, и продовольствіе. Взамѣнъ того ихъ встрѣчала у стѣнъ города вѣсть, что въ немъ нѣтъ ни припасовъ, ни свободныхъ помѣщеній и что нужно идти дальше. Они ломились въ городъ, но ихъ туда не пускали. По разсказу очевидцевъ, Смоленскъ 1 ноября представлялъ ужасное зрѣлище. „Отъ Московской заставы до Днѣпра дорога была усѣяна человѣческими трупами и падалищемъ. Московское предмѣстье отъ пожаровъ сдѣлалось полемъ. На немъ и на снѣжной поверхности Днѣпра стояли фуры, зарядные ящики, лазаретныя кареты, пушки, лежали пистолеты, штыки, барабаны, кирасы, кивера, медвѣжьи шапки, музыкальные инструменты, шомпола, тесаки, сабли. На набережной, между мертвыми тѣлами, стоялъ длинный рядъ фуръ еще съ невыпряженными, но упавшими лошадьми и едва двигавшими на козлахъ погонщиками. Тутъ же лежали лошади съ выпущенною внутренностію и съ разрѣзанными животами, куда непріатели вползали погрѣться или утоляли голодъ кониной. Гдѣ оканчивалась набережная, по дорогѣ около городской стѣны, въ шесть и болѣе рядовъ, слишкомъ на пять верствъ, были брошены зарядные и патронные ящики, московскія коляски, кареты, дрожки, военныя кузницы. Непріатели кутались отъ холода въ священническія рясы, стихари, женскіе сапоги, обвертывали ноги соломою, на головы надѣвали капоры, жидовскія шапки, рогожи“.

Наполеонъ провелъ въ Смоленскѣ всего три дня, боясь,

что Чичаговъ и Витгенштейнъ успѣють пресѣчь ему отступление на рѣкѣ Березинѣ, но князь Кутузовъ фланговымъ движеніемъ уже переградилъ ему дорогу 3 ноября у Краснаго, прославленнаго въ началѣ войны подвигомъ Невѣровскаго. Наполеону надлежало здѣсь пробиваться чрезъ русскія войска, проходя дорогу подъ сосредоточеннымъ огнемъ русскихъ батарей, поставленныхъ вдоль дороги. Кутузовъ не хотѣлъ и здѣсь вступать въ битву съ Наполеономъ, но онъ рѣшилъ, прежде чѣмъ допустить французовъ по Березинѣ, ослабить французскую армію и разгромить тѣ ея корпуса, которые еще сохранили военное устройство и были способны къ сопротивленію. Цѣль эта была вполнѣ достигнута: разбиты были совершенно корпуса маршаловъ Даву и Нея. Въ теченіе 3-хъ дней сраженія у Краснаго, французы потеряли 6.000 убитыхъ и раненыхъ, 20.000 плѣнныхъ и 116 орудій, тогда какъ мы потеряли всего до 2.000. Самъ Наполеонъ спѣшилъ переправиться съ гвардіей за Днѣпръ, узнавъ, что отряды русскихъ войскъ заходятъ ему тылъ. Плѣнныхъ было у русскихъ уже такъ много, что не знали, что съ ними дѣлать: цѣлыя сотни ихъ отправляли во внутреннія губерніи подъ стражей нѣсколькихъ солдатъ.

Вечеромъ 6 ноября, по окончаніи боя, Кутузовъ подъѣхалъ къ бивуакамъ гвардейскаго корпуса и у палатки его командира, генерала Лаврова, сѣлъ пить чай. Въ это время кирасиры привезли отбитыя французскія знамена и составили изъ нихъ навѣсъ въ родѣ шатра. Хваля подвиги войскъ, фельдмаршалъ замѣтилъ: „Если по совѣсти разобратъ, то теперь каждый не только старый солдатъ но и новичекъ-ратникъ столько заслужили, что осыпъ ихъ алмазами—они все еще недостаточно будутъ награждены. Ну, да и что говорить, истинная награда не въ крестахъ и алмазахъ, а въ совѣсти нашей“. Потомъ Кутузовъ рассказалъ, какъ онъ гордился, получивъ георгіевскую звѣзду за взятіе Измаила и представлялся по этому случаю императрицѣ Екатеринѣ. „Иду я себѣ, думаю: у меня Георгій

на груди, дохожу до кабинета, отворяются двери и—что со мной случилось и теперь не опомнюсь: я забылъ про Георгія и что я—Кутузовъ, я ничего не видалъ, кромѣ небесныхъ голубыхъ очей, кромѣ царскаго взора Екатерины. Вотъ была награда!“ Кутузовъ замолкъ, и все кругомъ его молчало. Одинъ изъ семеновскихъ офицеровъ сказалъ: „Это напоминаетъ сцену изъ трагедіи „Дмитрій Донской“. Другой закричалъ: „Ура спасителю отечества!“ И это „ура“ повторило все войско. Этотъ торжественный возгласъ тронулъ каждого изъ присутствовавшихъ, а Кутузова болѣе всѣхъ. Онъ вдругъ всталъ на скамейку и закричалъ: „Довольно, довольно, друзья, эта честь не мнѣ, а русскому солдату“ и, бросивъ вверхъ фуражку, закричалъ: „Ура доброму русскому солдату“! Когда затихли возгласы, Кутузовъ продолжалъ бесѣду и прочелъ новую басню Крылова: „Волкъ на псарнѣ“, которую только что получилъ изъ Петербурга. Въмѣсто овчарни попавъ на псарню и почувявъ бѣду, волкъ (Наполеонъ) попробовалъ вступить въ переговоры.

...„Къ чему весь этотъ шумъ!
Я вамъ старинный свать и кумъ:
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры!
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ,
А я не только впредь не трону вашихъ стадъ,
Но самъ за нихъ я грызться радъ,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что“... —Послушай-ка, сосѣдъ,—
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
„Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ...“

Читая этотъ послѣдній стихъ, князь Кутузовъ снялъ фуражку и указалъ на свои сѣдины. Присутствовавшіе поняли смыслъ басни, когда онъ дочиталъ ее до конца и громкое „ура“ раздалось по войскамъ. За подвиги русскихъ войскъ въ Смоленской губерніи Кутузову пожаловано было наименованіе „Смоленскаго“.

Тяжела была участь, постигшая Наполеоновы войска подъ Краснымъ, но еще тяжелѣе была участь тѣхъ без-

оружныхъ и отсталыхъ его арміи, которые, ища спасенія отъ голода и холода, бросались въ села и деревни по обѣ стороны столбовой дороги. Тутъ на непріятелей обрушилось мщеніе народа. По разсказу современниковъ, появлявшіяся изъ лѣсныхъ тущобъ толпы крестьянъ бросались на мародеровъ, останавливали кареты и ряды экипажей, въ которыхъ сидѣли раненые или истомленные французскіе чиновники, часто съ женами и дѣтьми. Сверкающіе ножи, топоры и рогатины были первымъ выступленіемъ къ страшной участи, ожидавшей враговъ среди темныхъ осеннихъ ночей въ странѣ для нихъ неизвѣстной. Напрасны бывали слезы, убѣжденія, напрасны обѣщанія богатаго выкупа, клятвы прислать изъ отечества еще богатѣйшіе. Непріятели говорили языкомъ чуждымъ: ихъ мольбы были непонятны... Иногда, смягченные воплями и отчаяніемъ, старѣйшіе изъ крестьянъ дозволяли непріятелямъ бросать между собою жребій: черный и бѣлый—на жизнь и смерть и оставляли жизнь, кому выпадалъ бѣлый. Случалось, что дѣтство и красота находили пощаду. Вообще же общимъ голосомъ противъ враговъ было: „Зачѣмъ вы пришли топтать наши поля, раззорять и позорить дома? Развѣ не вы, злодѣи, сожгли города и села? Не вы ли, нечестивцы, ставили коней въ святыя церкви Божіи?“

Переправившись у Орши черезъ Днѣпръ, Наполеонъ, провожаемый казаками, „этой, по его выраженію, неопасной, но утомительной конницей“, двинулся къ Березинѣ. Морозы стали крѣпчать „Главная квартира Наполеона, гвардія и прочія войска шли перемѣшавшись, въ величайшемъ безпорядкѣ, говоритъ Дюма, генераль-интендантъ французской арміи. Маршъ или, лучше сказать, бѣгство къ Оршѣ, былъ самою плачевною картиною, какая можетъ поразить сердца и взоры французскаго солдата. Грустно было смотрѣть на императора, когда онъ верхомъ, окруженный своимъ штабомъ, съ трудомъ пробирался сквозь толпы солдатъ, большею частію безоружныхъ, не сохранявшихъ ни малѣйшаго порядка. На половинѣ пере-

хода Наполеонъ остановилъ гвардію, велѣлъ ей построить каре и, вступивъ въ средину его, сказалъ слабымъ дрожащимъ голосомъ: „вы видите разстройство арміи. По несчастному стеченію обстоятельствъ, большая часть солдатъ бросила ружья. Если вы послѣдуете ихъ гибельному примѣру, то вся надежда потеряна. Вамъ ввѣрено спасеніе арміи, вы оправдаете мое выгодное о васъ мнѣніе. Необходимо не только офицерамъ наблюдать за порядкомъ службы, но и солдатамъ строго смотрѣть другъ за другомъ и самимъ наказывать тѣхъ, кто удаляется изъ полковъ“.

Но, приближаясь къ Березинѣ, Наполеонъ получилъ неожиданное извѣстіе, что адмиралъ Чичаговъ уже прибылъ туда со своими войсками, разбилъ генерала Домбровскаго и занялъ городъ Борисовъ, гдѣ Наполеонъ думалъ совершить переправу. Эти дѣйствія Чичагова могли привести къ тому, что самъ Наполеонъ съ остатками своей арміи долженъ бы былъ сдаться русскимъ. Но передъ этой опасностію проснулась душевная сила Наполеона, подавленная рядомъ неслыханныхъ бѣдствій. Прибывшему къ нему на помощь со свѣжими войсками маршалу Удино онъ приказалъ выбить русскихъ изъ Борисова и дѣлать видъ, что французы готовятъ переправу черезъ Березину ниже Борисова. Самъ онъ съ прочими войсками отправился вверхъ по теченію Березины къ деревнѣ Студянкѣ, гдѣ найденъ былъ незадолго передъ тѣмъ бродъ французской кавалеріей. Предъ разсвѣтомъ 14 ноября Наполеонъ пріѣхалъ въ Студянку, тотчасъ распорядился постройкой двухъ мостовъ черезъ рѣку, воды которой еще не замерзли, а для защиты постройки велѣлъ поставить на возвышенномъ берегу Березины 40-пушечную батарею. Къ счастью французовъ, на противоположномъ берегу находился лишь слабый отрядъ русской, такъ какъ Чичаговъ, обманутый ложными приготовленіями Удино, двинулся на 30 верстъ ниже по теченію Березины, къ Шабашевичамъ. Наполеонъ переправилъ черезъ рѣку часть пѣ-

хоты, которая отгѣснила русскихъ въ лѣсъ и овладѣла дорогою на Вильну, проходившею черезъ Зембинскія болота. Дорога эта оказалась, по небрежности Чичагова, въ полной исправности, а мосты и гати чрезъ болота невредимыми: между тѣмъ, при самомъ началѣ войны, они были исправлены, по распоряженію принца Ольденбургскаго, для надобностей русскихъ войскъ. Эта неожиданная удача придала еще болѣе надеждъ Наполеону на счастливую переправу. Ободренные личнымъ присутствіемъ Наполеона, саперы по грудь въ водѣ ставили для мостовъ козлы, спѣша постройкой. Съ часу на часъ можно было ожидать возвращенія Чичагова и приближенія къ Студянкѣ войскъ Витгенштейна, тѣснившаго стоявшій противъ него корпусъ маршала Виктора; между тѣмъ къ Борису приближались уже передовыя войска Кутузова подъ начальствомъ Платова и Ермолова. Когда мосты были окончены постройкой, Наполеонъ съ бывшими при немъ войсками переправился черезъ Березину въ теченіе 14 и 15 ноября, отбивая нападеніе части войскъ Чичагова, и направляя отступление своей арміи чрезъ Зембинскія болота, мосты и гати которыхъ не были уничтожены растерявшимся Чичаговымъ. Французы, участники переправы, писали потомъ: „Стоило только какому-нибудь казаку взять огня изъ своей трубки и зажечь мосты, и тогда всѣ усилія наши и переходъ чрезъ Березину сдѣлались бы тщетны. Взятые на узкомъ пространствѣ между болотами и рѣкою, безъ пищи и пріюта, подверженные непрерывной мятели, главная армія и ея императоръ были бы принуждены сдаться безъ боя“. Другой очевидецъ говоритъ: „Если бы русскіе сожгли Зембинскіе мосты, то намъ ничего другого не оставалось бы, какъ повернуть къ Минску, налѣво, гдѣ была армія Чичагова, потому что вправо на нѣсколько лье находились непроходимыя болота и топкіе лѣса: Наполеонъ не имѣлъ бы никакого средства къ спасенію“. Чичаговъ тѣмъ болѣе былъ виновенъ въ этой оплошности, что Кутузовъ заранѣе предписывалъ

ему принять мѣры къ уничтоженію сообщеній чрезъ Зембинскія болота.

Но если самому Наполеону и удалось ускользнуть отъ разгрома съ частью своихъ войскъ, то участь прочихъ остатковъ его арміи была бѣдственна. Съ приближеніемъ графа Витгенштейна сдалась цѣлая дивизія генерала Партуно, а затѣмъ, когда маршалъ Викторъ притиснуть былъ къ самому берегу Березины, русскія войска открыли 16 числа убійственный огонь по мостамъ и переправлявшимся по нимъ французамъ. Русскія ядра ложились прямо на мосты среди людей и обозовъ. Вспомоществуемый Наполеономъ, лично наводившимъ орудія на противоположномъ берегу, Викторъ успѣлъ къ вечеру 16 числа оттѣснить русской авангардъ и, пользуясь темнотою ночи, переправился черезъ рѣку. Боясь преслѣдованія, Наполеонъ велѣлъ зажечь мосты, оставивъ безоруженныя толпы не успѣвшія переправиться. Никакое перо не въ состояніи описать послѣдовавшихъ затѣмъ ужасовъ; ночью показались вдали донскія пики—и мосты были зажжены. „Люди, лошади, обозы опустились въ воду. Многіе изъ оставшихся на уцѣлѣвшей части мостовъ, попытались переходить по льдинамъ спершимся около козелъ, но были сжаты, затерты льдомъ, унесены рѣкою; тщетно они боролись съ ея теченіемъ и вопили о помощи: никто не помогаль. Другіе пытались спастись вплавъ, но утопали или замерзали. Иные бросались чрезъ пламя, пожирившее мостъ, и, вмѣсто избавленія, находили мучительную смерть. Женщины, дѣти, грудные младенцы, обвившіе свои ручки вокругъ шеи матерей, лежали на льду съ разможенными членами. Отчаянные, неистовые крики наполняли воздухъ, раздираемый пронзительнымъ завываніемъ сѣвернаго вѣтра, который съ ранняго утра поднялся вмѣстѣ съ мятелю, засыпаль глаза разноплеменныхъ жертвъ ишеемъ и снѣгомъ, окаменяль ихъ руки и ноги. Березина до такой степени запрудилась трупами, что по нимъ можно было переходить пѣшкомъ

съ одного берега на другой“. Изъ числа безоруженыхъ, сопровождавшихъ Наполеона, погибло на берегахъ Березины не менѣе 25.000 человѣкъ. Изъ регулярныхъ войскъ, которыхъ у Наполеона при Березинской переправѣ было до 30.000, осталось всего 9.000. Послѣ Березины великая армія перестала существовать.

Узнавъ о переправѣ Наполеона, Кутузовъ на перекладныхъ поспѣшилъ къ арміи Чичагова, чтобы лично руководить движеніями войскъ и дальнѣйшимъ преслѣдованіемъ французовъ, бѣдствія которыхъ были невыразимы, такъ какъ съ 16 ноября постоянно было болѣе 20 градусовъ мороза, а 22 ноября отъ холода спирало дыханіе. Французы уже не сопротивлялись, а бѣжали, пока хватало силъ въ полномъ отчаяніи. Плѣнными русскіе уже пренебрегали. Цѣлымъ тысячамъ плѣннымъ давали въ карауль двухъ, трехъ казаковъ или поселянъ; иногда бабы, одна спереди другая сзади, вели цѣлыя колонны французовъ, жаждавшихъ лишь хлѣба и тепла. На походѣ къ войскамъ нашимъ подходили полузамерзшіе французы, вымаливая хлѣба. Русскіе солдаты дѣлились съ ними, чѣмъ могли. Наполеонъ ѣхалъ въ каретѣ, закутанный въ шубу, и не хотѣлъ видѣть положенія своихъ солдатъ: многіе изъ нихъ, на глазахъ всѣхъ, ѣли человѣческое мясо.

24 Ноября, когда Наполеонъ достигъ Сморгонь, онъ получилъ отъ маршала Виктора увѣдомленіе, что войска не въ состояніи уже сражаться: „думаю, заключилъ онъ свое донесеніе, что его величеству приличнѣе отъѣхать отъ насъ далѣе“. Тогда же Наполеонъ рѣшился оставить остатки своихъ войскъ, начальство надъ которыми поручилъ Мюрату, и ѣхать въ Парижъ собирать новую армію. Въ каретѣ съ Коленкуромъ, сопровождаемый скромнымъ конвоемъ, Наполеонъ выѣхалъ чрезъ Вильно въ Варшаву. Счастіе еще не отвернулось отъ него окончательно: въ Ошмянахъ ему удалось ускользнуть отъ разбѣдовъ партизана Сеславина.

Отъѣздъ Наполеона уничтожилъ послѣдніе остатки дисциплины въ войскахъ его, носившихъ еще оружіе: „онъ бѣжитъ какъ изъ Египта, говорили они о Наполеонѣ, оставляя насъ на жертву“. Бросая на пути тяжести, они бѣжали въ Вильну, но, несмотря на усилія маршала Нея, они не остановились въ ней чтобы дать русскимъ отпоръ. Узнавъ, что казаки посланы въ обходъ Вильны, все, что могло еще бѣжать, бросились по дорогѣ въ Ковно 30 ноября Мюрать достигъ Ковно, но долженъ былъ бѣжать и оттуда, такъ какъ въ городѣ начался грабежъ и произошли пожары. Появившіеся казаки захватили пушки и заставили французовъ бѣжать далѣе за русскую границу, въ Тильзитъ и Вильковишки. Находившійся тамъ французскій генераль Дюма удивился, видя вошедшаго къ нему человѣка въ коричневомъ сюртукѣ, обросшаго бородою, съ красными сверкающими глазами. „Вы меня не узнали?“ спросилъ вошедшій.—„Нѣтъ, кто вы?“—„Я аррьергардъ великой арміи, маршаль Ней. Сдѣлавъ послѣдній выстрѣлъ на Ковенскомъ мосту, бросилъ я въ Нѣманъ послѣднее французское ружье и спасся сюда лѣсами“. Въ пяти верстахъ отъ Вильны, на Понарскихъ высотахъ, французы должны были оставить послѣднія свои повозки и кареты Наполеона съ его вещами. Здѣсь нашли бумаги Наполеона и его императорскую мантию, въ которую, какъ говорили, нарядился какой-то казакъ. Здѣсь же захвачены были боченки съ золотомъ и серебромъ на 10 милліоновъ рублей, которые были разграблены казаками.

Между тѣмъ прибылъ въ Вильну Кутузовъ, а вслѣдъ за нимъ пришла и главная армія наша, преслѣдовавшая Наполеона. Мудрая предусмотрительность вождя, тщательно оберегавшаго войска отъ напрасныхъ потерь и заботившагося о ихъ здоровьѣ, сказала тутъ въ полной мѣрѣ. Въ арміи этой изъ 97.000, вышедшихъ изъ Тарутинскаго лагеря, насчитывалось теперь всего 27 тысячъ: 48.000 солдатъ разсѣяны были по госпиталямъ, а остальные убиты

были въ дѣлахъ съ французами. Не можетъ быть сомнѣнія, что если бы армія Кутузова, преслѣдуя Наполеона, дѣйствовала согласно совѣтамъ Вильсона, отъ нея не осталось бы ни одного человѣка.

Разумѣется, уничтоженіе великой арміи понудило и фланги ея къ поспѣшному отступленію. Корпусъ князя Шварценберга двинулся къ границамъ Галиціи, преслѣдуемый генераломъ Сакеномъ, а корпусъ маршала Макдональда, занимавшаго Курляндію и бесплодно осаждавшаго городъ Ригу, вышелъ изъ русскихъ предѣловъ города Тильзита, тѣснымъ войсками Витгенштейна. Пруссаки, бывшіе въ корпусѣ Макдональда, жаждавшіе освободиться отъ ига Наполеона, въ поворотѣ военнаго счастья увидѣли возможность уклониться отъ ненавистнаго имъ союза съ французами. Командовавшій пруссаками генераль Іоркъ, безъ вѣдома прусскаго короля, вступилъ въ переговоры съ преградившимъ ему дорогу генераломъ Дибичемъ и 18 декабря заключилъ съ нимъ договоръ, по которому прусскія войска, отступивъ въ Пруссію, должны были сохранять нейтралитетъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ впредь до новыхъ повелѣній своего короля: пруссаки надѣялись хотя и не совсѣмъ основательно, что въ теченіе этого времени онъ не замедлитъ вступить въ союзъ съ императоромъ Александромъ.

Такимъ образомъ, изъ огромной почти 700.000-й арміи, введенной постепенно въ русскіе предѣлы Наполеономъ, вышло изъ нихъ не болѣе 70.000 человѣкъ. Захвачено было въ плѣнъ русскими до 200.000 человѣкъ съ 48 генералами и болѣе чѣмъ 4.000 офицеровъ; остальные погибли въ сраженіяхъ, отъ ранъ, голода и стужи. Въ смоленской, калужской, московской, въ литовскихъ, и бѣлорусскихъ губерніяхъ зарыто было и сожжено болѣе 300.000 труповъ. Во власть русскихъ достались всѣ сохранившіеся запасы французовъ и болѣе 1.000 пушекъ.

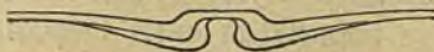
Велики были и жертвы, принесенныя русскимъ народомъ. Но зато онъ жестоко наказалъ врага, покорившаго

уже всю Европу и мнившего подчинить своему господству и Россію. 11 декабря 1812 года, императоръ Александръ прибылъ въ Вильну и именемъ отечества благодарилъ русскія войска и вождя ихъ, фельдмаршала Кутузова, которому тутъ же пожалованъ былъ орденъ св. Георгія 1-й степени. Всѣмъ военнымъ, отъ генерала до солдата, пожалована была медаль 1812 года съ надписью „не намъ, а Имени Твоему“. „Всякъ изъ васъ, сказано было въ высочайшемъ приказѣ, достоинъ носить на себѣ сей достопочтенный знакъ, ибо всѣ вы одинаково несли тяготу и единокорнымъ мужествомъ достали. Вы по справедливости можете гордиться симъ знакомъ: онъ являетъ въ васъ благословляемыхъ Богомъ истинныхъ сыновъ отечества“. 25 декабря изданъ былъ Высочайшій манифестъ о сооруженіи храма Христа Спасителя въ Москвѣ въ память изгнанія французовъ изъ Россіи.

Православная церковь установила празднованіе въ день Рождества Христова избавленія Россіи отъ нашествія двадцати языкъ. Празднованіе этого дня должно вѣчно напоминать русскимъ людямъ, что никакое нашествіе иноплеменниковъ не можетъ быть страшно для Россіи, пока въ сердцахъ русскихъ людей жива будетъ горячая любовь къ отечеству и вѣрѣ православной, соединенная съ преданностію къ Верховному Вождю Россіи, Русскому Царю.

Съ изгнаніемъ Наполеона изъ предѣловъ Россіи, Императоръ Александръ не считалъ войну съ нимъ оконченной и рѣшилъ освободить отъ его власти Европу. Русскія войска перешли границу, и вслѣдъ затѣмъ Наполеона оставили его бывшіе союзники: Пруссія и Австрія, соединившія свои войска съ русскими для борьбы съ Наполеономъ. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ, гордый завоеватель, послѣ ряда кровопролитныхъ сраженій, долженъ былъ отступить во Францію, но уже 17 марта 1814 г. столица Франціи, Парижъ, сдалась императору Александру. „Пришлось батюшкѣ Парижу поплатиться за матушку Москву“

говорили русскіе солдаты. Наполеонъ вынужденъ былъ отказаться отъ престола и послѣ новой попытки возвратить себѣ утраченную власть, захваченъ былъ въ плѣнъ и отправленъ подъ надзоръ англичанъ на островъ Св. Елены въ Атлантическомъ океанѣ. При заключеніи всеобщаго мира Россія въ вознагражденіе за принесенныя ею жертвы получила царство Польское.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Причины войны	3
Отъ Нѣмана до Смоленска. ,	15
Отъ Смоленска до Москвы	27
Москва и Тарутино	45
Бѣгство Наполеона изъ Россіи	66

ОТНАВЛЕНІЕ

Стр.	
3	Примиреніи войны
15	Отъ Нѣмца до Смоленска
27	Отъ Смоленска до Москвы
42	Москва и Гродно
66	Вѣстие Панаева къ Россіи

27. В. Красновъ. Герои русско-японской войны. Бой подъ Тюренченомъ. Ц. 15 к.
28. Н. Полевицкій. Что дѣлать крестьянину на своемъ Хуторѣ, чтобы получить большой доходъ. Ц. 20 к.
- 29-а. К. П. Медвѣдскій. Ломоносовъ. Ц. 15 к.
- 29-б. А. И. Ксюнинъ. Конецъ Смуты и народные герои (Мининъ, кн. Пожарскій и Сусанинъ). Ц. 10 к.
30. Д. Н. Вергунъ. Россія и Турція. Ц. 15 к.
31. А. Антоновъ. Наша страна. Книга удостоена преміи „Всероссійскаго Национальнаго Клуба“. Ц. 45 к.
35. Проф. П. И. Ковалевскій. Геройскіе подвиги русскихъ моряковъ, съ 60 рисунками. Ц. 25 к.
36. Н. А. Энгельгардтъ. Александръ I. Его жизнь и подвижничи царствованія. Ц. 20 к.
34. Н. А. Энгельгардтъ. Александръ Благословенный и Отечественная война. Ц. 10 к.
- 12-й годъ. Мятлева.
Андріановъ. Бородинскій бой. Ц. 10 к.
- Война 12-го года въ картинахъ. Ц. 15 к.
- Высочайшіе указы и манифесты, относящіеся къ войнѣ 1812-го года. Ц. 10 к.
- Манифестъ Войску Донскому, снимокъ съ подлинника, листъ 5 к.
- Кантата: „День встаетъ багрянъ и пышенъ“. Ц. 2 р.
- Всѣ книги съ большимъ количествомъ портретовъ, рисунковъ и чертежей.
-

Изданія Всероссійскаго Національнаго Клуба.

Выпущена въ продажу 1 серія ученическихъ тетрадей, обложка которыхъ украшена съ одной стороны рисункомъ, а съ другой соответственнымъ текстомъ.

Для первой серіи взяты слѣдующіе рисунки:

- 1) Сусанинъ, 2) Петръ Великій, 3) Ломоносовъ,
- 4) Суворовъ, 5) Пушкинъ, 6) Гоголь и 7) Тургеневъ.

Цѣна тетрадей: 1 шт.—3 к., 10 шт.—22 к. При покупкѣ партіями, торговцамъ и учрежденіямъ скидка. Упаковка и пересылка за счетъ покупателя.

Готовится серія тетрадей съ картинами событій 1812 года (Верещагинская серія) въ 8 красокъ. Цѣна остается таже.

Земства, городскія самоуправленія, попечительства о народной трезвости, земскіе книжные склады, школы, учебныя заведенія, приходы, волостныя управленія и т. п., а также Члены Всероссійскаго Національнаго Клуба, при выпискѣ не менѣе ста экземпляровъ каждаго выпуска, не платятъ за пересылку и, кромѣ того, пользуются 10% скидки. При выпискѣ же менѣе 100 экземпляровъ каждаго выпуска эти же учрежденія не платятъ только за пересылку.

Книгопродавцамъ обычная скидка.

Выпущена медаль въ память **П. А. Столыпина** въ $2\frac{1}{4}$ дюйма.—Цѣна: свѣтло-бронзовой 2 р., темнобронзовой 1 р. 50 к.

Портретъ **П. А. Столыпина**, офортъ, исполненіе академика М. В. Рундальцева. Цѣна: 1 р., — печати 50 к.

Требованія и деньги нужно адресовать:

С.-Петербургъ, Литейный 10. Всероссійскій Національный Клубъ.

2007466179